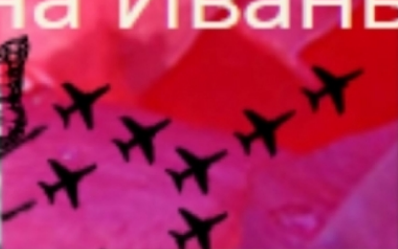
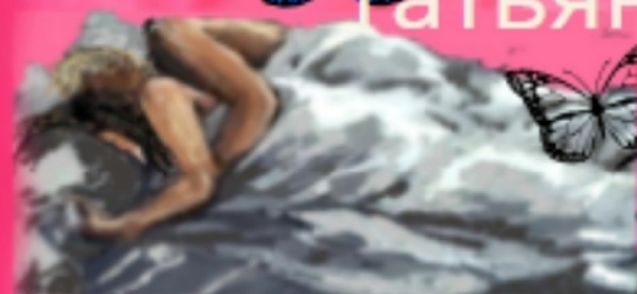

Татьяна Иванько

Миллион

18+

(Повесть о настоящем)

том 5

МиЛлениум

Татьяна Иванько

**МилЛЕниум. Повесть
о настоящем. Том 5**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванько Т. В.

МилЛениум. Повесть о настоящем. Том 5 / Т. В. Иванько —
«ЛитРес: Самиздат», 2018 — (МиЛлениум)

ISBN 978-5-532-95876-0

Разочарование и отчаяние, разорвавшее душу в клочья, разрушенные жизни, - возможно ли выбраться из-под обломков? Героям предстоят новые испытания, новые удары и подарки судьбы. Тайны раскрыты, мосты сожжены, но есть ли будущее там, где сгорело всё прошлое? Смерть пытается вырвать героев из объятий друг друга уже не впервые, сможет любовь и на этот раз победить? Обстоятельства, верные и неверные решения, что подводит нас к краю, - что меняет наши жизни? Или наш путь предопределён?..

ISBN 978-5-532-95876-0

© Иванько Т. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 20	5
Глава 1. Пульс	5
Глава 2. Метель	14
Глава 3. Как дорого стоит ложь...	22
Часть 21	33
Глава 1. Упущенная нить	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Иванько

МилЛЕниум. Повесть о настоящем. Том 5

Часть 20

Глава 1. Пульс

Эта дурацкая драка со Стерхом произошла через пару дней после моего неприятного объяснения с Леной Короходкиной. Конечно, меня задела её слова об отце и Лёле, но я никак не думал, что это распространится, расплзётся по всем ушам и языкам, как плесень ползёт по поверхности хлебного батона...

Эта грязная сплетня, перебивание злоключений моей семьи стала достоянием всех в Склифе. Я осознал это, когда один из моих коллег, будто невзначай, будто бы шутя, спросил, а в ординаторской в этот момент было ещё человек пять:

– Так ты развёлся, Алексей Кириллыч, что не празднуем? – он говорит громким полновесным голосом, у него довольное весёлое лицо.

– И не думал, – ответил я, удивлённо и растерянно немного.

Он, ухмыляясь, обернулся на остальных:

– Так у вас, Легостаевых, шведская семья теперь, вы теперь, может быть Леготссон? Или как там у них, Легссон?

Изумление, овладевшее мной в первый миг, сменилось захлестнувшей меня жаркой волной гнева:

– Что ты сказал?! – вскричал я, поднимаясь из-за стола и самому себе, представляясь в два раза больше размером, чем я есть. Негодование придало мне значительности...

Он засмеялся нагло:

– Рассказал бы, Алексей Николаевич, как это? Как вы это устраиваете? Вместе с ней ложитесь или по очереди?! Нам интересно до жути, мы все спорим, ставки делаем. Я вот за то, что по очереди...

Я вижу, я чувствую спиной, что остальные присутствующие посмеиваются, кто, отводя глаза, кто прямо глядя на меня. В таком положении, когда я стал посмешищем для окружающих, я не оказывался ни разу в жизни...

– Весело вам, небось! Втроём-то... или может больше?! – уже хохочет он, поддерживаемый и открыто и скрыто остальными...

Я посмотрел на них. Короходкина... Она наболтала... Но подождите, она... как же она-то узнала? Кто ей сказал о том, что происходит в моей «чудесной» жизни в последние полгода...

Я приехала на УЗИ в своё отделение акушерства. Знала, что сегодня дежурит Дульсинея, поэтому именно сегодня и поехала. Митю заодно отвезу к Игорю, может, и погуляем вместе, пока Кирилл на работе. А сейчас, пока я пошла на исследование, Кирилл и Митюшка гуляли в больничном парке. Меня встретили приветливо, как обычно и встречали. Расспрашивали, как малыши, когда думаю выйти и тому подобное. Зашёл и наш завкафедрой, тоже радостно приветствовал меня:

– Так выходишь весной, а, сектантка?

– Хотелось бы... Но...

– Что за «но»? Или ещё придумала чего? Говорят, муж новый? Ты девушка у нас оригинальная... – глаза у него поблёскивают, смеются.

Я растерялась и даже будто испугалась этого вопроса. Муж новый... будто камни бросают в меня, а ведь никто ещё и не начал и не знают они ничего...

В полутёмном кабинете УЗИ я слышу пульс моего будущего ребёнка. Моего ребёнка. Ребёнка Кирилла... И я опять здесь без Лёни, и это не его малыш, его детей я потеряла... его я потеряла. Я всё испортила, всё, чем так щедро одарил меня Бог. Я хотела умереть, но теперь я должна жить, чтобы это сердечко стучало, чтобы маленький человечек стал большим, родился и жил. Ещё один ребёнок Кирилла. Он хотел дочку... уже говорил об этом...

Что же твориться, что я делаю... как Лёня узнает это...

Обрывки мыслей, разорванные чувства. Разорванная душа. Почему вместо смерти, мне послана ещё одна жизнь. Почему? Мне не судьба быть с Лёней?

Но жить без него, не могу... не могу...

Как же я снова буду матерью? Может, вразумят меня? Может всё встанет на свои места в моём сердце? В моей душе? В моей голове... Такой подарок – ребёнок, такое счастье, почему мне от счастья хочется лететь, и каждую секунду от ужаса я падаю и разбиваюсь о жёсткую землю.

Что же я натворила?.. Лёня, моя жизнь... Лёня, не прощай никогда, забудь меня... Но как тебе забыть, когда я прилепилась к твоему отцу? Отбираю у тебя и отца... какой-то вечный круговорот ужасных грехов и ошибок, одна хуже другой... И чем дальше, тем хуже я запутываюсь. Я не могу снять и части ответственности...

– Шесть-семь недель, Елена Николаевна, маточная беременность, – улыбается УЗИстка. – Сейчас заключение напечатаю.

Я вышла и поднялась к Дульсинея на второй этаж, она как раз вышла из родзала.

– О, Елена Николаевна! – она сняла стерильный халат и раскрыла объятия и я обняла её, пухлую и маленькую и такую мягкую, будто Страшила из сказки про Изумрудный город. – Слышала, выходить уже надумала? Куда торопитесь, мальчику только год?

– Да не выхожу, только собралась и снова обратно, – улыбнулась я.

Дульсинея, заглянула мне в лицо:

– Обратно?.. Правда?! – улыбнулась, догадываясь. – Ах, Еленочка, вот молодец! Вот и правильно, вот и умница! – похлопала по рукам, по спине тёплыми мягкими ладонями. – А наши-то, все сидят, хуже квашней, курят только всё больше, и мужикам кости моют, все им не хороши, все их, королев наших, недостойны, некоторым к сорокету уже, а всё девушек из себя изображают. Пустоцветы бесполезные...

Мы поболтали ещё не меньше получаса, прежде чем я вышла из корпуса. Кирилл, ожидавший меня на улице у машины, выжидательно посмотрел на меня, я ответила, что всё хорошо...

Хорошо... как далеко «хорошо» бывает от «хорошо»... И счастье и горе могут быть одним, одним и тем же чувством...

– Что ты?.. – он обнял меня, прижавшуюся вдруг к нему.

К счастью, Митюшка отвлекает нас друг от друга, иначе как я могу объясниться? Как мне объяснить ему, что я и на сто седьмом небе от счастья и в бездне от горя, сжимающего мне горло слезами сейчас, но главное, сдавившего мне сердце так, что и говорить не могу...

Игорь рад видеть нас с Митей, улыбнулся, встречая нас, сияя глазами.

– Наконец-то в Москве! – он раскрыл свои щедрые объятия. – Не мёрзнете в деревне-то своей? Зима скоро.

– Нет, не мёрзнем, – улыбнулась я.

– Игай! – Митюшка рад его видеть, поднял ручки, в ожидании, что Игорь поднимет его повыше.

Игорь подхватил его на руки, и Митя сразу кажется таким малюсеньким рядом с его большой фигурой.

Сегодня мы встретились в парке, Митя потянул Игоря за руку:

– Игай, дём! – он едва выше его колена.

Они резвятся, Игорь рад видеть нас, весело играет и дурачится с Митей. Они бегают в догонялки, когда Игорь догоняет со словами: «Догоню-догоню!», а Митюшка «убегает» с весёлым визгом, Игорь догоняет и, подхватив его на руки, подбрасывает вверх, Митюша счастлив. Вместо одного нормального отца у Мити три супер отца...

Наконец, они утомились, в зимней одежде не так сподручно бегать, особенно, если ты научился ходить всего три месяца назад. И вот Митя сидит на руках Игоря, серьёзно смотрит вперёд с высоты его большого роста, будто он сам такой же большой мужчина. А чем, по сути, Игорь отличается от Мити... Ростом и силой?.. Мне нехорошо...

Мы присели на скамейку, Митя подходит и отходит от нас. Парк уже совсем голый, нет даже куч листьев, они уже сожжены и убраны. И снега ещё нет, земля подмёрзла и твёрдая, как асфальт, трава на газонах почти содрана уборкой листьев – граблями выдирали их из травы. Воздух пахнет здесь, в парке замерзающей землёй и вот этой погубленной травой, замерзающим на ночь асфальтом, и городом: машинами, людьми резиной, почему-то...

– Лёля, этот ваш дом в Силантьёво, он тебе нравится до сих пор? – спросил Игорь.

– Не то слово! Очень нравится, – искренне ответила я. – Кирилл хотел купить, но его уже продали.

– Я знаю, – ответил Игорь с довольной улыбкой. – Это я купил его. Я купил его тебе. Он твой.

– Как это? Ты... – я посмотрела на него: – Игорь... я не могу...

– Игай... – смешно повторил мою интонацию Митя.

И Игорь засмеялся:

– Ну, хоть что-то я могу подарить тебе, наконец! – он очень доволен.

– Ты нашёл то, от чего я не смогу отказаться! Спасибо, Игорь! – я обняла его за плечо, прижавшись головой к нему. – Но... это не понравится Кириллу...

– Утрясёшь как-нибудь, думаю, он тебе всё позволит, – усмехнулся Игорь.

Мы все замёрзли вскоре после того, как они перестали бегать, поэтому мы зашли погреться и поели в кафе, причём Митя умильно старательно орудовал ложкой, деловито жевал, заглядывая в тарелку.

Игорь смотрит на меня, я слушаю, что он рассказывает о той кафешке, где мы сидим. Здесь, как оказалось, и поэты наши знаменитые бывали, и актёры, и музыканты.

– Где-нибудь на западе в этом кафе висели бы сотни фотографий знаменитостей с их автографами. А у нас всё так, будто это обыкновенное дело, – я не могу не оглядывать стены, в модном духе ободранные до кирпичей.

– Наши знаменитости всегда были частью народа, а не отдельно, где-то... – улыбнулся Игорь, отхлёбывая из чашки. – В таких же квартирах жили, как все, даже зарплаты почти такие же получали... У нас даже царей убивали как обычных людей, а не на плахе... Всё по-другому у нас, похоже...

Я слушаю его и отвечаю, и я рада возможности отвлечься от своих мучительных раздумий. И вдруг Игорь в какой-то момент отвлётся от своего рассказа, глядя на меня внимательно:

– Ты... ты беременна снова, да, Лёля? – спросил он так неожиданно, что я вздрогнула.

Покраснев горячей волной, я согласно кивнула. И отвернулась к Митюшке. Игорь ничего не сказал об этом больше. Он сказал о другом и позднее:

– А я думал, это Лёничка – любовь твоей жизни. Стало быть...

И тут я безудержно зарыдала...

Да, она заплакала так горько, так по-настоящему, что я испугался, не сделалось бы ей плохо.

– Ну что ты... – поднявшись, я обнял её, а она уткнулась лицом мне в грудь, стыдась своих слёз и не в силах совладать с ними. – Уходи ты от них, сколько можно? Что ты маешься с ними, с этими чёртовыми Легостаевыми?!.. Ну, что ты... плачешь? Или ты ребёнка не хочешь?

Митя замер с ложкой в руке изумлённо глядя на нас двоих...

Лёля даже перестала плакать:

– Как это? – она посмотрела на меня, отодвигаясь, мой вопрос подействовал как пощёчина, останавливая поток её слёз, – да ты что... – она икнула.

– Что ж тогда плакать? – я улыбнулся, погладил её по волосам.

Господи, я утешаю её, беременную от Легостаева! Что происходит? Что за абсурд опять?

– Мама, не падай! – сказал Митя, обеспокоенно выпрямляясь и тряся ложкой в воздухе. – Игай, пусть мама не падай!.. Игай, ты – ха-о!.. Кажи маме...

– Вот видишь, – улыбнулся Игорь, – мне поручено тебя успокоить. Официально.

Мы ушли из кафе, где уже привлекли внимание к себе. Сегодня я отвезу Лёлю в Силантьёво, Легостаев приедет без них...

Это открытие о новой Лёлиной беременности шарахнуло по мне, как кулаком в грудь. Я начал подозревать ещё в свой последний приезд в Силантьёво. Я всегда был очень зрячим по отношению к Лёле... И вот это открытие, потом её внезапные слёзы... Я вначале неправильно оценил их, в мгновенной надежде, что она огорчена. Но всё не так просто. Вечно с ней непросто...

И что теперь будет?... Только бы Митя был моим...

– Ты что это, Алексей Кириллыч, с ума, что ли сошёл?

Сергей Анатольевич остановил меня после планёрки, зазвал к себе в кабинет. Я подал заявление об уходе вчера, очевидно, он узнал об этом.

– Нет, Сергей Анатольевич, не сошёл, но я нашёл новое место, денежнее... – начал я заранее заготовленную речь, когда мы сели он за стол, а я на диван напротив, у него небольшой кабинетик.

Но Сергея Анатольевича не так-то просто обвести вокруг пальца:

– Что ерунду-то говоришь? – он просверлил меня дрелью своих серых глаз: – Что придумал? С чего ты решил уйти? На ребят обиделся? Напрасно... Противно, конечно, я понимаю, но... Разве твоя вина, что жена б..., а отец...

– Нет, – я перебил его, не желая слушать, каким словом он обзовет моего отца, которого я, то ненавижу, умирая от желания убить его, то отчаянно люблю, достаточно, что он уже припечатал Лёлю... – не надо повторять диких сплетен, Сергей Анатольевич...

– Да ладно, весь московский научный улей гудит об этой истории... – сказал он, и тут же спохватившись, взглянул на меня: – Ты... фу, чёрт...

Он смутился немного. Но я уже не смущаюсь, что после всего этого меня смутит?

– Вот видите, – усмехнулся я, – разве могу я остаться?

– Это... – Сергей Анатольевич досадливо сморщился. – Это такая глупость, что ты уходишь, что ты из-за этого... Что из-за такого... Никогда бы не подумал...

Он пытался ещё что-то говорить, но всё это было бессмысленно, я принял решение, и изменить его невозможно, и он сам понимает это, поэтому, хотя ему оно и не нравится, он всё же не настаивал долго.

– Послушай, Алексей Кириллыч, если тебе понадобятся мои рекомендации... любые рекомендации, только позвони. И... если надумаешь вернуться, двери всегда открыты. Всегда. Ты это помни.

Я улыбнулся, вставая:

– Спасибо, Сергей Анатольевич, – сказал я.

Он встал мне навстречу и протянул руку для рукопожатия:

– У меня такого аспиранта не было никогда, я сам даже отдалённо не такой... – сказал он, удерживая мою руку в своей. – Ты... Алексей Кириллыч, карьеру не губи свою, уезжай куда-нибудь, раз уж... но... смотри, пить не возмись... – а может, перетерпишь? Подумаешь, смеются, чёрт с ними, от зависти уцепились за эту историю, чтобы отомстить тебе, больше-то нечем тебя уязвить, бездарям. Пусть бы смеялись, забудут...

– Сергей Анатольевич, я не Пушкин, конечно, но звание рогоносца и он не вынес...

– Что бабы делают... – покачал головой мой научный руководитель.

Я не мог продолжать слушать, что делают проклятые бабы... Бабы... если бы всё было так просто...

Я поехал домой на «Сушу». Скоро этот дом перестанет быть моим. Я предупредил уже бабушку и деда, что скоро приеду. Отработать две недели в Склифе и собраться. Но собираться я начал уже сейчас. Что такое две недели...

– Ты ополоумел, Кирилл Иванович? Ты что творишь?! – Мымроновна весьма красноречивым яростным шёпотом встретила меня, без спроса войдя в мой кабинет, где я устроил сортировку своих бумаг, чтобы взять те, что могут мне понадобиться, уничтожить ненужные.

– Что ты, Галя? – я обернулся к ней, удивлённый её возмущением. Разыгрывает, что ли? – Ты не этого разве добивалась, пуская сплетню обо мне по Москве? – я посмотрел на неё. Я не думал, что мы с ней будем обсуждать это, но поскольку она завела этот разговор, что же, поговорим. Мне не больно, я доволен, я всегда сумею сделать всё так, что останусь в выигрыше. И сейчас я всё продумал и придумал свою дальнейшую жизнь, поэтому я за себя не обижен. Но я не один в этой истории. Алексея не могли не коснуться грязные языки, треплющие благодаря Галине, нашу фамилию.

– Я хотела, чтобы ты уволился?! – удивлённо воскликнула Мымроновна. – Да ты что, Кирилл?!

Похоже, она действительно удивлена.

– Чего же ты добивалась, рассказывая всем, как мы живём в своей семье? Разве не того, чтобы выжить меня из этого кресла и занять его самой?

– Да ты что?! – зашипела Галина, опасаясь кричать. – Я хотела, чтобы ты опомнился! Чтобы вышвырнул эту шлюху бесстыжую! Эту шлюху! Эту... тварь! Наглую, наглую тварь! – Галина аж побелела от возмущения.

Я засмеялся над её бессильной злобой:

– Так просчиталась, значит, Галя! Получишь моё кресло вместо меня! Неплохой обмен, по-моему, нет?

– С ума сошёл! Из-за неё! Из-за этой... Что у неё... что такого с ней, что ты... Неужели из-за ребёнка ты?!

Я направился к двери:

– На днях заеду за остальным и заодно со всеми попрощаться. Предупреди, что после новогодних праздников, в последний день, какого там... ну, в общем, в «Праге» праздную отходную.

– Да подожди, Кирилл, объяснись... – Галина даже подалась за мной, ещё за рукав схватится... даже забавно, прямо драма на работе, «Железная Мымроновна и её страсть». Н-да, и тут я наворочал какого-то чёрта...

– Пока, Галина Мироновна! Иногда нужен толчок, чтобы сделать важный шаг. Так что, спасибо, дорогуша, ты всегда была хорошим помощником. Отменным. Вот только... – сердце всё же зло заныло, разом заломило в висках от гнева, как и все дни, когда я думал об этом: –

только за то, что Алёше неприятности доставила, не прощу тебя никогда, – произнёс я, чувствуя, что от гнева у меня перехватило дыхание.

– Я?!.. Я доставила неприятности?!.. Это я виновата, не ты? – сверкая глазами, зубами, серьгами, воскликнула Мымроновна.

– Я! Я, Галя, всё я!.. – согласился я, уже направляясь к двери. – До встречи!

Утро выдалось хмурое, дождь переходил в снег и обратно, на улицу не хотелось, ветер завывал в трубе, капли и снежинки, слепленные друг с другом в мокрые комки, лепился к стеклам окон, стуча, будто просились войти. Но в тепле хорошо натопленного дома, пахнувшего тёплым деревом, печью, огнём и дровами, от этих звуков становилось только теплее и уютнее.

Наш дикий сад совсем разделся, голые мокрые ветви мотает ветер, опавшую листву мы сожгли ещё в конце октября, сняли детские качельки, а большие теперь раскачивает ветер, скрипя металлическими тросами в петлях, будто усадив на них свою невидимую нами подругу...

– Этот ливень в снег обернётся, как думаешь, Кирюша? – сказала я, обернувшись к нему от окна. Мы были в большой комнате, Митя спал наверху, где жарко горел камин, но там и от трубы печи было тепло, камин мы разжигали для удовольствия. – Ты опять на работу не поехал, ты...

– Я отрабатываю последние две недели и ухожу с кафедры, – сказал он будто, между прочим.

После этих слов, я села в кресло и выключила телевизор, мы смотрели «Шестое чувство» от которого меня поташнивало, все эти покойники, так и казалось, что я ощущаю, как от них смердит... Но то, что сказал Кирилл... меня затошнило по-настоящему:

– То есть как это?... Ты что... Ты что делаешь?! Как это уходишь?! – я даже руку прижала к губам.

– Что ж делать, когда ославили меня, всех нас, на всю Москву?! – легко улыбнулся он. Удивительный он, лёгкий солнечный человек. Бросает то, ради чего работал и вообще строил всю свою жизнь, и улыбается так светло, будто в лотерее выиграл и рассказывает мне об этом сейчас. Удивительный человек.

– Боже мой, Кирюшка... – выдохнула я. – Я сломала тебе жизнь...

– Ну что ж... Я сломал твою, ты мою... всё правильно, как ещё могло быть? Я плачу, наконец, по счетам. Не всё же тебе... – продолжает улыбаться он.

– Как же... – я чувствую бессилие. «Всё правильно»... Кирюша, что ж правильно?..

– Не волнуйся, заработать на жизнь я сумею. Днями в местную больницу иду на должность главного врача и дерматовенеролога заодно. Настоящую живую работу я никогда не забывал, к счастью, все мои научные труды основаны на практике. Так что проживём, Ленуша! – он смеётся. – Да и гонорары от монографий...

– Да разве я об этом... Что ж ты и не сказал даже, что надумал... – он не понимает, я совсем не о деньгах сокрушаюсь, он ученый, и он бросает науку...

– А ты... разочарована, да? – он вдруг перестал улыбаться, сразу как-то меняясь, строжея лицом, будто вглядываясь в меня. – В постель ложилась с академиком московским, а встала с деревенским докторишкой?

Меня всё же вывернуло. Вернувшись из ванной в комнату, я сказала, остановившись в дверях:

– Ты, Кирилл Иванович... не о том ты... «Ложилась, встала»... разве обо мне речь сейчас? Ты же... ты всю жизнь на кафедре, ты учёный... С тоски не померёшь, а?

Он подошёл ко мне, притянул к себе, улыбаясь, тучи уходят с лица:

– Ты... не пугай меня, Лена, я ведь... – он коснулся пальцами моего лица, улыбаясь, – знаю тебя вроде, а вдруг...

– О-т дурила!.. – засмеялась я, качая головой. – Конечнo, – дурачась, я гнусавлю и растягиваю слова, – соблазнял московской квартирой, понимаешь ли, статусом академическим, зарплатой, связями, а теперь сам в примачи ко мне в деревню! – прыснула я, Кирилл уже знал, что дом этот теперь мой, тоже засмеялся, окончательно развеялось напряжение. Он обнял меня. Прижался лицом к моей голове, целуя мои волосы:

– Ленуша, пожениться надо, пару месяцев и живот будет видно, а мы... – тихо сказал Кирилл.

Я прячу лицо, обнимая его... пожениться... Кирюша...Кирюшенька... Милый... Я счастлива, пока не думаю ни о чём. А беременность очень способствует этой мысленной вялости. Мои мысли все о ребёнке, ещё о Митюшке, о том, как и где, поставить вторую кровать, что купить малышу, а что от Митюши будет кстати... Кирюша, милый, зачем ты опять возвращаешь в мои мысли Лёню, запертого в темницу в глубинах, самых тайных глубинах моей души. Мне больно даже от тени мысли о нём... даже от попытки произнести его имя про себя. Это как утонуть и понять, что утонула, начать задыхаться... Но откуда Кириллу знать это. И не надо ему это знать, разве его вина, что я...

Кирилл посмотрел на меня:

– Я буду в Москве послезавтра, я поговорю с Алёшей.

Я чувствую его взгляд, но не могу ответить. Невыносимо обсуждать с ним Лёню, он не может понять, но и не понимать ведь не может...

– Да, ещё... Ленуша, в следующую пятницу я праздную отходную и хочу, чтобы ты пошла со мной... В «Праге», – улыбается Кирилл, глаза искрятся.

О, нет, это чересчур, праздновать, что Кирилл из-за меня бросает работу, теряет все, что было его жизнью больше двадцати лет.

– Нет, Кирюшка... да ты что... нет, прошу тебя... – взмолилась я, – это... нет-нет, глазеть все будут, из-за какой же это ты всё бросил, рассматривать станут, обсуждать все мои прелести... Кирюша, милый, пожалей меня! Я беременная, меня выворачивать начнет от этих ресторанных запахов... да и... Помнишь, как меня как рвало там, в прошлый раз в этой дурацкой «Праге»... Ну, не заставляй меня, я дома останусь. И Митю не надо будет пристраивать на вечер.

– Неужели покрасоваться не хочешь? Мымроновне нос утереть уже публично? Ты ведь такая... – он улыбается с удовольствием. – Господи, ты такая красивая... все сдохнут, когда увидят тебя!

– Ох, Кирюшка, похвалиться хочешь просто! – засмеялась я.

– Ну не без этого! – смеётся и Кирилл.

В этот день я никак не ожидал увидеть на «Суше» отца. Я уезжаю сегодня. Две недели отработки прошло и я, уволенный и абсолютно свободный, увы, человек, заканчивал сборы своих пожитков. У меня был вполне определённый план дальнейшей жизни. Сумки всего две, они уже стоят в моей комнате. Ведь я могу приехать сюда в любой день, если что-то мне понадобится, не на Камчатку я собрался уезжать, так что я забрал только необходимое.

Я сел за стол в моём «кабинете», чтобы написать записку. И замер с ручкой в руке. Что написать? Что написать отцу? Отцу, которого я вижу по два, а то и три раза в неделю, когда приезжаю встречаться с Митей. И ей... Ей, моей жене, моей Лёле, которая предпочла его, всё же его... не могу ни смириться, ни поверить в это. Она говорит мне это, но даже не смотрит в лицо. Она живёт с ним с самой весны и даже не возвращается сюда на «Сушу», почему я не верю, что она предпочла его? Почему?

Потому что, проснувшись, она спросонья с нежностью позвала меня? Потому что не разводится до сих пор? Я не знаю. Логичного ответа нет, я просто знаю это. Я это чувствую. И даже то, что она не хочет оставаться со мной наедине, мне кажется, подтверждает это.

Но что мне написать ей? Ему? Им двоим? Что написать в этой записке? Я не могу выдать из себя ни одного слова... Они заставляют меня бросить Склиф, к которому я привык, Москву, где я прожил половину сознательной жизни, они сделали меня посмешищем, выставили неудачником и идиотом, чуть ли не извращенцем. Но мне тошно не от этого, а от того, что я не вижу их, что мы живём отдельно уже полгода. Что я просыпаюсь каждое утро один в этой огромной квартире. И вечером, засыпая, мне кажется, что я слышу шаги отца в его комнате или коридоре, едва я закрываю глаза, я слышу Лёлино дыхание. Вот такой я слабак. Идиот и извращенец...

Даже Митюшка бывает со мной здесь, но не отец, не Лёля... Если бы не Митя, вообще ни одной ниточки не осталось бы, которая связывала бы меня с ними.

Что написать? Ни буквы не могу выдать...

И вдруг щёлкнул замок. Это раньше мы все всегда звонили, теперь, никто никого тут, на «Суше» не ждёт. И я открываю дверь своим ключом и он, отец, открыл сам. Я вышел в переднюю. Не придётся мне писать проклятую записку.

– О, Алёша?! Ты дома? Рано... – удивлённо и немного рассеянно проговорил отец.

– Да, я... А ты почему не на работе? – пробормотал я.

– Ухожу... Что ж, хорошо, что мы увиделись, я думал позже приехать, поговорить с тобой, – отец разделся, на улице мокрый снег, настоящая каша под ногами и на всех поверхностях, но он из машины, очевидно, даже ботинки не промокли. Он прошёл на кухню. – Давай, кофе, что ли, выпьем?

– Может, ты есть хочешь? – спросил я.

Отец посмотрел на меня:

– Спасибо, кофе будет достаточно.

– Хорошо, я сварю, – сказал я, хотя раньше я кофе сам не варил, этим занималась Лёля, но я столько раз присутствовал при том, как она делает это, что порядок действий повторить смогу, хотя сам я не люблю эту чёрную жижу.

Пока я колдовал с туркой, я вертел в голове его слова, что-то задело меня в том, что он сказал. Наконец, я понял:

– Подожди, – я обернулся от плиты, вспомнив, – ты сказал... ты уходишь? Что это значит?

Отец улыбается, будто довольный собой и тем, что может рассказать мне об этом:

– Ухожу с кафедры, – весело сказал он. – Не пугайся так-то, ничего страшного не происходит. Соображу некоторое время, чем заняться. Отдохну пока.

– Почему?! – изумляюсь я. Это же надо... он, он! бросает кафедру!

– Почему... почему, весь вопрос... – протянул отец, переставая улыбаться и отворачиваясь.

У меня за спиной зашипело, разливаясь по плите моё чёрное варево. Чёрт! Что же это такое, пока я гипнотизировал эту чёртову турку, тёмная пена на поверхности даже не шевельнулась, а стоило отвернуться и всё: всё в грязи... Вот чёрт!

Я налил проклятый кофе в чашки, и сел напротив отца за стол.

– Я хочу поговорить с тобой, Алексей, – сказал он, бледнея, опуская глаза. О Лёле... О тебе.

Кровь бросилась мне в голову, сердце заколотилось так, что я даже будто оглох...

– Вот что, Алексей, – сказал отец, по-прежнему демонстрируя все признаки смущения, – Лёля беременна. И мы с ней...

Будто кулаком в лицо, а второй кулак сдавил сердце:

– Нет! – отчаянием вылетело из меня.

«Мы с ней»... нет и нет! Что же это такое?! «Поговорить о Лёле и о тебе», разве это обо мне? Это о вас с ней опять!

– Я понял, что ты хочешь сказать, но... – я смотрю на него прямо, он тоже вынужден смотреть мне в лицо, – нет. Я не стану разводиться! Ты от меня этого не дождёшься! – сказал я, твёрже этого моего слова не будет и алмаз.

Отец побледнел, теряясь:

– Ты что, Алёша... решено всё... – проговорил он, разводя ладони.

– Нет, – повторил я, кривясь и, чувствуя, как кровь отхлынула от щёк. – Прости, может, я ломаю твои планы на счастливую жизнь с молодой женой, но я не дам развода МОЕЙ жене. Никогда. Убейте меня и живите тогда вместе.

– Сдурел, мальчишка... – отец отпрянул, качая головой.

Можешь считать меня мальчишкой, хоть кем, но я не сдвинусь.

– Что за глупое упрямство, Алёша! – воскликнул он, но как-то беспомощно, я же сказал, Лёля беременна от меня...

– Да замолчи ты! – закричал я, он будто гвозди вбивает в меня. – Я, по-твоему, в первый раз не услышал? Не дам я ей развода! Не хочет со мной быть, пусть разведётся сама. Сама! Своей рукой! Как брала меня в мужья, пусть так же сама и вышвырнет. Ты слышал? Сама! – я шарахнул ладонью по столу, чашки звякнули, моя опрокинулась, разливаясь, ну вот, пить это дерьмо не придётся...

– Лёля не хочет жить с тобой, ты это отлично знаешь...

– Этого не может быть! – убеждённо и даже улыбаясь, проговорил я. – Я знаю Лёлю двадцать лет, не может этого быть! – я постарался каждое слово произнести отдельно. За его «беременна от меня», – Она придумала себе что-то вроде того, что она недостойна меня, что один раз оступившись с твоей, твою мать, помощью, она не может вернуться назад... Но всё это неважно, всё это не имеет никакого значения для меня... не имело и не имеет! Ясно?! Я не разведусь с ней. Пусть разводится, как хочет, через суд или как там это делается... я всё равно буду считать себя её мужем, учти это! Хотя десять раз ты женишься на ней, её муж я! И для неё, я знаю, я – её муж и никто больше! А беременна... – я усмехнулся, мне и правда стало легче, – ну так что ж, один твой сын уже зовёт меня отцом!

Вот так вот! Получи, есть тебе, чем убить мою карту?

Отец смотрел на меня, будто он не ожидал того, что услышал. Долго и молча смотрел. А потом сказал, покачивая головой:

– Мы слишком давно не живём под одной крышей, я совсем отвык от тебя. Отвык о того, какой ты... – он хмыкнул, качнув головой, его глаза горят... восхищением?

Я не сказал ему в этот день, что я тоже ушёл с работы и уезжаю из Москвы. Я даже не вспомнил об этом, я вспомнил после того, как он давно ушёл, а я остался опять один на «Суше». Я долго сидел на кухне возле стола с остывшими чашками чёрного кофе, заляпавшего перед этим всю плиту, потом стол, теперь застывшего в этих чашках, белых, с нежным рисунком тоненьких цветочков, такие любит Лёля, как и тонкий и полупрозрачный фарфор из которых они сделаны. Она и выбирала эти чашки...

Вот мои сумки, что ж, пора сниматься с якоря на этой «Суше», найти новую. Я найду. Я знаю, как искать теперь. Как говорят, за одного битого...

Глава 2. Метель

Снег валит со вчерашнего вечера, оттепель превратилась в мотающий снежной крошкой, а потом хлопьями, а после хлопьев – мелким острым и быстрым злым снегом, всё более морозный день. Этот день для меня продолжился, как этой метелью, недомоганием, начавшимся ещё позавчера, с тошноты, слабости и прочих явлений отравления. Или просто реакций на непогоду. Когда я сказала Кириллу, беспокоившемуся этим, что, должно быть, просто я объелась, он рассмеялся:

– Чем объелась, умора?! Лишнюю ложку каши съела?

Но позже он не слишком веселился:

– Может, в больницу сходим?.. Может, токсикоз просто?

– Может и токсикоз... – поспешила согласиться я, чтобы он не слишком пугался, – правда, не бывает у меня... А может от погоды этой. Так, пройдёт... ты шибко не волнуйся.

– «Шибко», – усмехнулся я смешному слову.

Я уеду развлекаться допоздна, а она тут нездорова. Мне стало не по себе, будто в этом её пустяковом недомогании кроется что-то нехорошее из старого... Я так боялся повторения ужасов весны и начала лета, обступивших нас тогда призраками смерти, что невольно обеспокоился, но Лёля, невзирая на бледность, обесцветившую щёки, глядела весело и я успокоился. Тем более, сегодня Стерх должен приехать, думаю, поможет, если что... да не будет ничего, всё будет хорошо...

Митя играл, сидя на полу в большой комнате, а я прилегла на диван и смотрела в телевизор, где показывали старый советский фильм «Тридцать первое июня», знакомый мне с раннего детства и музыкой своей прекрасной и романтической историей, запомнившийся мне ещё с тех пор, тем удивительнее и приятнее мне было теперь, взрослой, смотреть его.

Игорь за этим и застал меня, входя из сеней, и улыбаясь:

– Опять незапертые сидите, – он улыбается, хорош до невозможности какой-то молодецкой здоровой красотой, будто на санках катался полдня, а ведь всего лишь прошёл по двору от машины. – Погодка!.. Еле доехал до тьму-тарахани вашей, заносы, аварии – тихий зимний ужас... – он снял присыпанную снегом шапку, возвратившись в сени.

– Игай! – Митюшка уже поднялся на ножки, встречать его...

Я села на диване, не лежать же, в самом деле, при нём, хотя это незначительное движение уже даётся мне с трудом... Что же это такое сегодня?

– Долго ехал? Я раньше ждала тебя, даже волноваться начала... – это правда, я ждала его и беспокоилась, что он опаздывает, потому что он всегда был очень пунктуален. В такую погоду легко попасть в аварию...

– Волноваться? Это приятно, – улыбнулся он, входя уже без куртки и шапки. – Я в два раза дольше ехал, чем обычно. Твой профессор вообще, думаю, только завтра приедет... Что на дорогах твориться!..

– Покормлю тебя сейчас, голодный же, наверное, – я встаю, качнувшись, в глазах потемнело, но тут же прошло. Должно быть, от погоды все эти фокусы, имею же я право плохо чувствовать себя... хотя в беременность Митей ничего такого со мной не было...

Игорь взял Митю на руки и пошёл со мной на кухню. Я налила ему борща, достав из печи толстостенный чугунок, посадив Митю в стульчик, Игорь сел за стол, вдохнул аромат, поднимающийся от тарелки, с видимым удовольствием подносит ложку за ложкой ко рту, нахваливает мою стряпню.

Действительно, здесь на печи, еда получается вкуснее, чем в городе на обычной плите, да и овощи мы покупали у соседей не лежалые, и мясо в Новоспаске на базаре было местное,

красивое, вкусное, никто не пытался подsunуть хряка вместо свиньи. Так что моё кулинарное искусство нисколько не улучшилось, лучше качеством стали продукты.

В нашем доме, заметаемом метелью, воцарилась тишина, окна заклеены, так что не слышны ни собаки, ни петухи, впрочем, думаю, они и голоса не подают в такое ненастье, а дорога от нас тоже далеко. Так что, при выключенных радио и телевизоре становилось так тихо, что казалось, мы в космосе, особенно по ночам, в темноте нашей спальни, при загадочном свете зелёного ночника, освещающего потолок на два ската, летим в бесконечности Вселенной... Вот и сейчас, когда мы трое замолчали, тишину нарушал только нарастающий закипающего шум чайника.

Я дала Митюше большое твёрдое красное яблоко, с высокими «щёчками», и он занимался им, деловито и уморительно серьёзно оглядывая его со всех сторон, выбирая, откуда откусить в следующий раз. Игорь улыбнулся, поймав мой взгляд на него после Мити, я улыбнулась в ответ.

– Ты что-то бледная сегодня, – сказал Игорь. – Не больна?

– Да нет, так... как тебе борщ?

– Отменный, – улыбнулся Игорь, вытирая губы, отставляя тарелку от себя, чайник выходит на финиш в своей весёлой песне...

Я поднялась, взять опустевшую тарелку, чтобы вымыть. Какой неудачный день, мне тяжело сделать даже это... надо бы прилечь...

– Игай, кус? – спросил и Митя, повернувшись к нему. Игорь засмеялся, повернувшись к нему.

– Вкусно, да, – Игорь встал, подошёл к Мите. – Мама готовит чудесно.

– Мама – десно... – улыбнулся Митя, показывая Игорю своё порядком объеденное яблоко.

Подойдя к раковине, я почувствовала горячие полосы, быстро побежавшие по моим ногам...

И Игорь увидел:

– Лёля... – он побелел от страха, глядя на меня, вернее даже, на мои ноги. Две тёмно-красные полосы стекают в носочки из-под юбки...

– Одевай Митю, – выдохнула я.

– Далеко больница? – задрожав, спросил Игорь, доставая Митю из стульчика.

– Нет, близко... Митюшины одёжки...

– Я знаю-знаю.

Через несколько минут мы вышли к машине, не обсуждая происходящее, разговаривая отрывисто и односложно о том, что надо сделать в ближайшие минуты. Но до больницы надо было бы на санях поехать, которых у нас, само-собой, не было: через несколько минут мы застряли в снегу. Игорь приехал и то с трудом, а за тот час, что он пробыл у нас, метель совсем занесла дорогу и раньше малоезженую, если бы Кирилл не ездил каждый день по ней, её вообще зимой не стало бы. Словом, на дорогу мы потратили времени столько же, как если бы пошли пешком, но по летней дороге, потому что тропинку тоже занесло...

Я заставила себя не думать о том, что со мной, что, возможно, я теряю ребёнка, такое кровотечение, и он останется при мне?.. Но всё бывает на белом свете, Митя выстоял при таких обстоятельствах, при которых и я-то не должна была остаться живой...

Когда мы доехали, наконец, до больницы, Лёля была бледна как этот снег вокруг нас. Но глаза горели, хотя, думаю, держалась она только на силе воли. В приёмной покое она обернулась ко мне:

– Ты... Кириллу не звони пока... я... сама... потом, – глаза огромные, беспредельно-синие, тёмные, как море перед штормом...

Митя потянулся к ней, она обняла его за спинку:

– Ты побудь с Игорем, сыночек, – она поцеловала мальчика, цепляющегося за неё, за её шею, так отчаянно, как никогда ещё при расставании не делал.

Именно это и напугало меня в этот момент больше всего, когда сама Лёля была спокойна и сосредоточенна, не сетовала даже на то, что мы добираемся так долго... Митя взялся плакать, чего никогда не было с ним, он не имел обыкновения капризничать. Его крик переполошил маленькую больничку, ко мне выглянула пожилая медсестра:

– Домой, домой идите, нечего тут шуметь, не скоро ещё...

– Что... там, серьёзно? – спросил я через Митюшкин крик. – Она беременная...

– Разберутся, ступайте домой с ребёнком, – она нахмурилась, смягчаясь и добавила: – очень много крови, кровотечение сильное... – сказала она другим уже тоном, – могут... не спасти, вот что, молодой человек, так что...

Мне стало холодно внутри... я прижал к себе Митю, первым почувствовавшего несчастье, но он рвётся у меня с рук, он никогда не вёл себя так, ни разу на моей памяти. Я даже отпустил, он в глубокой заснеженной дорожке сразу растерялся, остановился, не зная куда бежать и, остановившись, заплакал уже по-другому, просясь на ручки...

«Не говори Кириллу»... как ты представляешь это, Лёля?... Такое... «не спасти»... мы сели в машину, Митя всё плачет:

– Де мама? Игай, де мама?

Я приехал в Н-ск, и всё мне казалось таким странно незнакомым, будто и не Н-ск это, будто я в другом, до сих пор незнакомом городе. Почему мне это кажется? Потому что я в последние годы бывал здесь так редко, и многое успело поменяться несколько раз? Потому что наш двор стал похож на свалку для старых машин, а Лёлин, такой уютный когда-то, с цветущей клумбой, каждую весну со свежевыкрашенными качелями и песочницей и белёными стволами деревьев, теперь представлял вообще жалкое зрелище: обильные когда-то кусты сирени выломаны и частично вырублены, поломаны ветви у деревьев, тех самых, что цвели так обильно и дружно в ту весну, что мы вместе с Лёлей проводили здесь в 91м... наступает уже 2001й... Теперь снег засыпает остовы проржавевших машин, ни качелей, ни песочницы, ни клумбы давно нет, не осталось даже следов, будто и не было их никогда здесь. И сам дом полинял, как и наш, краска смылась, а новой их не красят со времён Советского Союза...

Я не мог не прийти сюда, в этот двор, не посмотреть на её дом, на балкон, куда я так легко забрался как-то... теперь балкон был остеклён, не заберёшься... да и Лёли там нет...

– Давно ты не приезжал на Новый год, Алёша, – дед не задаёт вопросов, деликатничает, как и бабушка.

Я не рассказываю о том, что уехал из Москвы, что меня ждут уже на новом месте, что через неделю я приступаю к новым обязанностям. Я не хочу обсуждать с ними передрыги, что сотрясают мою жизнь, я не хочу ни их сочувствия, ни возмущения поведением отца и Лёли, ни советов, что мне надо оставить их обоих, забыть, наконец, и жить дальше без «этих подлецов»... уже всё это сказано, эти слова не значат ничего, только сотрясают воздух и давно не трогают.

Даже отвратительные насмешки моих коллег не тронули меня, я искал повода изменить мою жизнь, сдвинуть с мёртвой точки то, что будто в компьютере зависло в ней, наконец, нашлось, за что зацепиться. И решение сразу встало предо мной, будто ждало за дверью... Через десять дней, после окончания новогодних праздников я приступаю к работе на новом месте. Перемены нужны всем нам... я бился головой в каменную стену, возведённую передо мной и вот, наконец, нашёл дверь...

Праздник вполне удался. Хорошее настроение не портило даже осознание того, что мы расстаёмся с моими коллегами. Я не был огорчён этим, хотя пока не очень представлял себе,

как я стану жить без кафедры, без научной работы, без десятков сотрудников, да даже без Москвы. Но у меня, было очень хорошее предчувствие, что вполне объяснимо, конечно, и хотя прощаться всегда грустно, я не грустил.

Я вообще никогда не страдал ностальгией. Жалеть о том, что само завершилось, я не имел привычки. Конечно, тема моей женитьбы не осталась без внимания моих коллег, не обошлось без поздравлений, шуток, анекдотов на эту тему. Воображаю, что они болтают за моей спиной. Что ж, Галя, теперь ты можешь насладиться и властью и своей отлично удавшейся мстью.

– Да я не думала! – снова воскликнула Мымроновна, когда мы остались тет-а-тет.

– Я знаю, – улыбнулся я. – Не страдай, тебе будет теперь хорошо, пока ты «и.о.», но через месяцок получишь все полномочия. А что до меня, поверь, я не в убытке, перемены нужны всем.

– Кирилл... Ты... что же... куда ушёл-то, так и не говоришь, – она старается заглянуть в глаза, как верная собака, нашкодившая и теперь пытающаяся вилянием хвоста вернуть расположение хозяина, после того как перевероришила весь дом и съела тапки.

– Для чего тебе? Приехать хочешь? – засмеялся я.

– Не позволишь? – спросила она. Господи, Галя...

– Нет, – что, неужели, Галина не чувствует моего отношения? Странно, мне казалось, что женщины лучше разбираются в чувствах...

– Что, молодая жена ревнует? – шурился она.

О, Господи, Галя-Галя... с некоторыми лучше не шутить, выпила лишнего, что ли?

– Конечно, ещё как!.. – ответил я.

Вообще говорить уже не о чем. Всё сказано и с сотрудниками и, конечно, с самой Галиной. Удивительно, что последняя монография была закончена и даже сдана издательство буквально накануне развернувшихся событий. Книга выходит через несколько недель, но я уже не буду здесь праздновать это...

Удивительно, насколько мне мало жаль оставлять всю эту жизнь, даже Москву, хотя я уверен абсолютно, что то, что я намереваюсь делать теперь куда сложнее, прозаичнее, но может быть, на новом месте я окажусь тем, кто нужен там? Кто сможет сделать то, чего не смогли, а вернее не захотели мои предшественники. Это совсем другая непривычная и этим привлекательная работа. И жизнь другая...

Около полуночи закончилась наша вечеринка. На улице, оказывается, метет так, что машину свою у ресторана я едва нашёл. Дороги заметены, сквозь плотную пелену густого снега почти не видно улицы, будто их нет, словно всё, наш мир заканчивается в тридцати метрах от нас, а дальше бело-розовая мгла... Автомобили кажутся редкими световыми призраками медленно перемещающимися между слабо светящихся смутными пятнами прямоугольников зданий, чьи очертания невозможно даже различить.

Надеюсь, Стерх уехал из Силантьева, а не остался там на ночь, потому что я доберусь туда... когда мне удастся добраться? До «Суши» и то не доеду по такому бурану, самое лучшее здесь, на Арбате и переночевать. Я достал телефон позвонить Лёле. Но она не отвечает. Но чему я удивляюсь, она отключила звук в телефоне, чтобы звонки не могли разбудить Митюшу...

– Что, не отвечает молодуха твоя? – Галина, оказывается, у меня за спиной...

Мне не впервой ночевать с Митей. Причём, мне пришлось лечь на их постель, я не стал разбирать её, не стал раздеваться, но я должен быть рядом с кроватью. Печь их я топить не умею, хорошо, что она долго сохраняет тепло, но всё же, если треклятая метель продлится ещё сутки, то мы с Митей начнём замерзать. Хорошо камин есть, но от него толку немного. Надо же было всему произойти именно сегодня, когда я даже до больницы не могу добраться менее чем за час.

Я провёл почти бессонную ночь, Митя просыпался от завываний ветра в трубе, как мне казалось, плакал, видя меня, вместо матери, но главное, я не мог заснуть от беспокойства за Лёлю. «Могут не спасти...» могут не спасти... не спасти...

Если не спасут... Я похолодел, проговорив это внутри себя. Как я стану жить, если... как это возможно, теперь остаться без Лёли? Без Лёли, когда вся моя жизнь вращается вокруг неё, вокруг моих мыслей о ней, моих планов на её счёт, моих чувств, всё, что теперь составляет мою жизнь, всё связано с Лёлей.

Вся моя деятельность, казалось бы, никак не связанная с ней, всё равно соединена с ней, ведь я привык рассказывать ей обо всём, привык делиться, видеть на её лице, что она думает об этом. Мне нужно даже это: её не всегда вслух высказанная оценка.

Мой новый роман, кажется, не о ней, на первый взгляд и не о том, что я чувствую к ней, там герой, который, конечно я, честный милиционер, который пытается бороться с мерзостями дикого российского капитализма, но его возлюбленная, понятное дело – это Лёля. Я даже сочинять не смогу без неё, какое может быть вдохновение, если...

Я едва дождался, пока Митя проснётся утром, покормить его, чтобы скорее поехать больницу.

Меня пустили к ней. Митю – нет, но взялись приглядеть несколько минут. Лёля бледная и недвижимая, такого же цвета, как пододеяльник, которым она укрыта почти до подбородка.

– Игорь... – она улыбнулась блёкло, голоса почти не слышно, но глаза блестят странно, будто у неё лихорадка.

– Как ты?

Она выпростала руку из-под одеяла:

– Игорёчек, милый... нет ребёнка больше... – голос её прервался, подбородок затрясся, громадные ресницы, кажущиеся больше, чем всегда... и совсем нет румянца... как говорят, ни кровинки. Умирать буду, не забуду этого её лица...

– Лёля, Лёля не надо плакать так... не убивайся, будет ещё...

Она потянулась, чтобы обнять меня, прижаться ко мне, я обнимаю её, приподнимая над кроватью её плечи. Она кажется такой горячей, потому что я с мороза?..

– Игорёчек... я...

– Ты поправляйся. Всё будет хорошо...

Тут открылась дверь и вошла доктор, не очень молодая, но приятная, на первый взгляд, при этом с неприятно озабоченным лицом.

– Очень хорошо и муж здесь...

Я не стал возражать, тем более что и Лёля не сказала ничего.

– Плохой анализ крови, Елена Николаевна. В область к гематологам повезём. Со стороны гинекологии ничего особенно плохого нет, конечно, выкидыш, но это из-за крови, вероятно. Странно, что вообще забеременела, лейкоз не лучший фон...

– Лейкоз? Что это? – переспросил я.

Докторша посмотрела на меня:

– Да ничего хорошего вообще-то... Но... коллега объяснит... – она кивнула на Лёлю, – так что готовьтесь, как только распогодится, поедem.

Только доктор вышла, я посмотрел на Лёлю:

– Что...

– Да это... так... ты, знаешь, что... ты не говори... не говори Легостаевым никому...

– О чём? О ребёнке не говорить? – изумился я.

– Нет, о том, что она ещё сказала, эта Ольга Олеговна.

– Почему? Что вообще это значит всё? – я растерялся, в этих их специальных терминах я запутался разом, да ещё не говорить, тоже более чем странно...

– Я... потом расскажу тебе, объясню... – она приподнялась на постели, бледнея при этом ещё глубже, так, что тёмно-фиолетовыми становятся глазницы, оттеняя пронзительно-фиолетовые глаза, – ты... можешь мне?

– Господи, ты совсем запутала меня...

Планёрка первая в году в этой районной больнице, где в каждом отделении по одному врачу, он же заведующий, только меня взяли вторым хирургом и только потому, что прежний намеревается уходить на пенсию, совсем как мой дед, который собирается на пенсию уже года три, но так пока и не может расстаться с любимым делом и с больницей. Планёрка здесь начинается непривычно рано, в восемь, но учитывая, что от служебной квартиры мне на работу ходу минут семь и то не спеша, я не опоздал.

Я ничего не сказал дома о том, что я не живу больше в Москве, я просто уехал после праздников сюда, а они считали, что в Москву... расскажу как-нибудь после...

На планёрке особенно обсуждать докторам нечего, никаких эксцессов не произошло, единственная тяжелая больная была в гинекологии и ту уже перевели в Областную больницу после кровотечения с подозрением на лейкоз.

– К счастью у нас была кровь подходящей группы, не то могли бы и потерять женщину, – заканчивает гинеколог свой доклад, – такая непогода, не успели бы привезти.

Да ещё и сегодня продолжается буря, я невольно посмотрел в окно, где мотало снежные хлопья, удивляясь, сколько их накопилось в атмосфере, что они никак не закончатся за прошедшие три дня... Интересно, молодая, наверное, женщина...

Вообще все ожидают нового главного, который должен приступить к работе в ближайшие дни, а пока управляет тут всем начмед, вот этот самый хирург, который собирается уходить. Я разглядываю исподволь своих новых коллег, и они так же рассматривают меня. Здесь довольно молодая акушер-гинеколог Ольга Олеговна Горобец, черноволосая и сухая с кажущимися непомерно длинными руками. Педиатр – симпатичная, лет пятидесяти, с завитыми в мелкие букольки волосами, Анна Никифоровна, инфекционист и дерматовенеролог по совместительству Галина Васильевна, терапевт Владимир Фёдорович, немного ироничный, седоватый ещё нестарый человек, и вот начмед и хирург, который представив меня остальным сказал: «Новому главврачу и нового начмеда», очевидно, намекая на меня.

Все расходятся по отделениям, надевая куртки и пальто, потому что надо выходить на улицу, все отделения в разных корпусах, одноэтажных, некоторые, как родильное и гинекология в деревянном, инфекционное в боксированном постройки пятидесятих годов. Самое новое – это как раз хирургия, из силикатного кирпича, на шесть палат, две операционной большая и малая, рентгенкабинет, рентгенолога нет, но лаборант имеется, хотя в последнее время в дефиците плёнка.

Терапевтическое отделение тоже старинное, как и инфекционное. В центре больницы в окружении лечебных корпусов – административный, здесь же и кухня, о которой начмед говорит:

– Готовят наши повара так, что не захочешь в ресторан, даже сейчас, в тараканье время.

– Тараканье? – удивился я.

– Дак развелись «прусаки» как никогда раньше! Чего только не делали, пока не удаётся вывести. До 90-го года и в помине их в Новоспасском не было.

Мы пошли с ним по корпусам, он с удовольствием показывал мне свои «владения». Кроме непосредственно хирургического отделения я должен буду вести приём в поликлинике, как и все остальные доктора. Поликлиника стоит отдельно и работает до трёх часов с десяти. Хирург принимает два раза в неделю.

Мне нравится и эта допотопная больничка и простота ясность, с которой всё устроено здесь. И даже мои новые коллеги, принявшие меня со сдержанным интересом и приязнью.

Медсёстры в хирургии, всего их четыре, в отделении одновременно две. Сегодня дежурили: – Валентина Васильевна, она же старшая, примерно пятидесяти лет с очками на кончике носа, критически оглядела меня:

– Из Москвы к нам? Что это в глушь такую занесло вас?

– Жене нравится в глуши, – не задумываясь, ответил я, легко, потому что это правда.

Она не поверила, конечно, но не сказала ничего вслух. Вторая, молодая медсестра мгновенно состроила мне глазки.

Пока мы переходили из корпуса в корпус, привезли пациента в открытом переломом руки, его уже готовят к операции, пока мы «мылись», анестезистка и операционная медсестра уже всё сделали без проволочек.

Николай Николаевич полностью доверил мне оперировать, а сам лишь ассистировал мне, очевидно, желая понаблюдать, что я за «фрукт», как он сам сказал мне после операции:

– Я думал, погнали вас как безрукого из Москвы, а вы... – сказал он, когда мы размыслились, говорит и смотрит на меня не так как два часа назад. – Я не видел, чтобы кто-то так работал... чтобы такие руки... Алексей Кириллыч, вы там, в Москве... вы же кандидат, чего уехали, правда?

– Семейные обстоятельства, правда, никаких подводных камней, Николай Николаевич.

– Семейные... ну-ну... бывает... загулял с какой-нибудь сестричкой, а жена прознала, так? – он усмехнулся. – Дети-то есть?

– Сын, – кивнул я.

На том и оставили меня в покое, все удовлетворились такой легендой...

После работы я пошёл в Силантьёво. Обедом меня накормили, как и всех в больничной столовой, действительно вкусно. Скучная, но здоровая и хорошо приготовленная еда только радует и желудок и повышает настроение, к тому же придаёт сил и лёгкости. Дорогу от Новоспасской больницы до Силантьева, незнакомую для меня, и из-за заносов оказавшейся дальней и трудной, я преодолел за полтора часа. Пришлось несколько раз спрашивать у редких встречаемых прохожих, к тому же я сбивался несколько раз, потом что тропинку занесло и если бы не просёлок, по которому через лес проехали несколько раз какие-то автомобили, я вообще сегодня дороги бы не нашёл.

Зато теперь я запомнил её со всеми подробностями, и повороты у раздвоенной сосны, и потом, у колодца-журавля, и развилку, где одна, левая дорога ведёт к Григорьеву, а другая к Силантьеву. Вот и дом, свет горит в окнах, уже сгустились в тёмно-серый ранние зимние сумерки, дым из трубы, у ворот машина отца, здесь был тупик, дальше этого дома дорога не шла, поэтому он оставлял её у ворот, не въезжая во двор. Но сегодня он явно недавно приехал – это по следам его машины я, оказывается, шёл последние двадцать минут. И саму машину едва припорошил снег и оставленную ею колею.

Шёл я быстро и к тому же намаялся с сугробами, поэтому не замёрз, но подходя к дому, с радостью смотрю на его золотые окна. Я постучал в незапертую дверь...

Капли крови на белом снегу,

Вы похожи на бусины,

Замерзаете разом.

Самую горячую кровь снег остужает вмиг,

Превращается капля в круглый камешек мёртвый...

Красная в белом,

Кровь на снегу не меняет цвет.

Красная в белом так страшно красива,

Застывшая навсегда,

Ты не жизнь теперь,

Ты уже смерть.
Кровь на снегу,
Страшная красота...
Но может ли быть страшною красота?
Страшно то, что пугает нас.
Смерти боимся мы все,
Поэтому так страшна кровь на снегу – Свидетельница смерти,
Вестница смерти.
Прикрой метелью, Боже,
все эти капли крови на снегу.
И пусть не будет новых впредь.
Нам никогда бы их не увидеть...

Глава 3. Как дорого стоит ложь...

Я никого не застал дома. Ни Лёли, ни Мити. Печь почти остыла, и я растопил её, дом разогрелся. Сколько их нет? Достаточно давно, если выстыл дом, Лёля бы не допустила такого холода. Меня не было три дня, невозможно было выбраться из Москвы из-за страшных заносов и пробок.

Я поехал наутро с Арбата, но вынужден был вернуться, даже не выехав за пределы Садового кольца. На другой день я вернулся уже с Ленинского проспекта, где простоял больше трёх часов, заносимый снегом, а потом появился автомобиль ППС и громкоговоритель объявил, что дорога закрыта из-за аварии и не откроется до утра. Было позволено пересечь двойную сплошную для разворота обратно в центр.

И только сегодня я доехал за пять часов. Дом был пуст, Лёлин телефон не отвечал все эти дни, связь вообще плохо работала, мне был только один ответ всё время: «телефон абонента выключен...» я нашёл её давно разрядившийся телефон здесь, в доме, на столе в большой комнате. Где они?

Я позвонил Сверху. Вот он ответил.

– Лёля у меня. И Митя тоже, конечно. Она просила передать, что уходит от тебя ко мне. Сказала, что... – дальше он говорит, будто читает по бумажке: – жить в деревне очень романтично, но не всю жизнь, не для того она поступала в институт и училась, чтобы из Москвы... ну, ты понял... Да, ещё... Она сделала аборт... – и добавил после паузы: – Сочувствую, Легостаев.

Я онемел и ничего не сумел сказать. В этом онемении и даже оцепенении и застал меня Алексей, вошедший в сени и заглядывающий в комнату, постучав в дверь:

– Что так тихо? Будто вымерло всё... Добрый вечер, – он смотрит на меня, улыбаясь, румяный с мороза, снимает за порогом и шапку и куртку, охнув, увидев, сколько снега на них, вышел в сени назад, чтобы стряхнуть...

Вымерло... то-то, что вымерло. А у меня дыхания нет, даже чтобы говорить...

– Ты как здесь... на чём? Поздно уже, как возвращаться будешь? – всё же спросил я, когда он снова вошёл уже раздетый и подошёл к печи, прижимая руки к её белёному боку, а я смог вдохнуть...

– Где все-то, спят, что ли? Здоровы? Рановато для сна вроде...

Я смотрю на него:

– Нет их.

– Где они? Случилось что? – ещё не чувствуя дурного, спросил Алёша.

Я смотрю на него и понимаю, что если бы он не пришёл, я... я умер бы. И будто это было уже: Алексей пришёл, а Лёля ушла...

– Мне кажется или у меня дежа-вю... Лёля ушла к Стерху.

– Как это может быть? – Лёля моргнул, опустив руки. – Вы же... ты сказал...

– Она избавилась от ребёнка и ушла к нему...

Алёша, бледнея, усмехнулся странно и покачал головой:

– Пап... этого не может быть. Что угодно, но... Бред собачий... Что случилось? Объясни нормально!

Я посмотрел на него:

– Нормально... Я считал, она от тебя никогда не уйдёт, потому что я знал... всегда знал и знаю, что она любит тебя...

– Не может этого быть... это стервец этот придумал, Стерх, Лёля избавилась от ребёнка?!.. Ты что, не знаешь Лёлю?! – воскликнул он.

– Очевидно, мы оба её не знаем... здесь нет её документов, некоторых вещей, но их у неё вообще ведь немного...

– Пап, это бред... – говорит Алёша, – понимаю, ты сейчас... в общем, этого быть не может. Что-то другое случилось. Может, он похитил её и Митю, с него станется, с бандитской морды...

Тут мы услышали стук открывшейся входной двери, дверь в комнату тоже открылась, заглянул Стерх с Митей на руках:

– Ребёнка возьмите, я в снегу весь, пока через двор шёл... Почистить дорожку вам, бело-ручкам неуместно? – рокочущим голосом проговорил он, как ни в чём, ни бывало.

Алёша подхватил Митюшу вялого и сонного в толстом комбинезоне и шапке. Сам Стерх раздеваться и проходить не собирался, остановился за порогом, в сенях, только куртку тряхнул, смахивая снег, но её, он, видимо, набросил только, чтобы пройти через двор по морозу и метели.

– Что уставились-то? – сказал он. – Лёлю не ждите, с Митей буду приезжать видаться, как и раньше, а Лёля со мной.

– Где сейчас Лёля? – спросил я.

– Как она могла Митю вернуть нам, а сама остаться... Чё ты несёшь? – вмешался Алексей, продолжая держать ещё одетого Митю.

– Мы улетаем завтра на Мадейру. Ей надо... отдохнуть... после аборта... – сказал Стерх, без тени смущения произнося это слово, от которого у меня мороз по коже... – И вообще от вас двоих, м...ков. Так что, понянчите сына, пока нас не будет.

– Куда вы улетаёте, все рейсы задержаны, коллапс во всех аэропортах! – Алексей, прищурив веки, смотрит на него: – Где Лёля, сволочь?!

– Я за «сволочь» тебе зубы выбью! – прорычал Стерх, сверкнув на него глазами. – Мы из Пулково полетим завтра вечером, если тебе интересно, а сутки побудем в Северной Пальмире... – и усмехнулся, очень довольный собой: – Не расстраивайтесь, докторишки, женщины любят богатых и удачливых, а не тех, кто выпал из обоймы. Счастливо оставаться!

С этими словами он вышел. Мы с Алёшей смотрели друг на друга в полном недоумении, потом Алексей, поблуднев, сделал шаг ко мне:

– Раздень уже парня! – он отдал мне Митю и бросился вслед за Стерхом.

Но я последовал за ними во двор. Алёша несётся за Стерхом, поскользываясь и падая:

– Стой! Где Лёля?! – закричал он, прикрикивая ветер, сквозь густой снег.

– Не понял что ли? – Стерх обернулся уже у своей машины. – У меня дома Лёля! Во сне её увидишь теперь, рыжий!

– А ну стой! Что ты врёшь мне, слова правды не сказал, сука... Где ты запер её?! – Алёша подбежал уже к самой его машине, но Стерх оттолкнул его с силой и Алёшка полетел в сугроб, пока он выбирался оттуда, Стерх уже, взметнув колёсами два веера снега, выехал из нашего тупичка.

– Папа пай... – тихо говорит Митя. – Киюска, папе бой?

Мы вместе смотрим, как Алексей выбрался из сугроба весь белый, густо облепленный пухлым снегом как ватой.

– Нет, папе не больно, ты не бойся, малыш. Вон он идёт к нам, – успокоительно сказал я.

– Папа... – тихонько произносит Митя, глядя как тот отряхивает снег.

Я посмотрел на малыша, а ведь у меня есть, у кого спросить, что же случилось здесь:

– Митюша, где мама? – спросил я самого правдивого свидетеля, какой только может быть.

Он вздохнул серьёзно:

– Мама забое, – у него делается такое личико, что я понимаю, что он сейчас заплачет.

Мы все трое вернулись в дом, молча раздели, начавшего хныкать Митюшку, едва сняли комбинезон и шапку, он попросил пить и жадно, обливаясь, выпил полстакана воды, после чего окончательно осовел, и Алёша, выпросив у меня, отнёс его наверх, уложить в кроватку...

Как дорого нам стоит ложь чужая,
Какой дешёвой представляется своя.
Мы лжем, как дышим, и, не замечая,
Что ложью отравляем даже Небеса.
Мы лжём любимым, чтобы лучше им казаться,
Мы лжём себе, для той же глупой цели.
Мы и в молитве тоже лжём, надеясь, что Он это не заметит
и всё простит, как всё прощает детям неразумным всем своим.
Мы лжём от страха,
Лжём от любви,
Для выгоды – всегда.
для выгоды никто не скажет правды.
И где остановится?
Где нам найти границу лжи?
Мы задыхаемся и топим в лжи друг друга,
Детей, родителей, и всё вокруг замазываем ложью безнадёжно.
И так, что после мы не можем верить самой чистой истине
и самой честной правде...

... – Что ж не привёз похвастать красоткой молодой? – усмехается злыми тёмными губами Мымроновна. – Не отвечает теперь? Знаешь, как говорят: «Муж в Тверь, а жена в дверь!»

Я обернулся к ней:

– Знаешь, что на этот счёт говорят старые ловеласы? – я улыбаюсь. – Лучше впятером есть прекрасное пирожное, чем одному дерьмо.

– Так я дерьмо стало быть?! – воскликнула Галина, вскипая ни того ни с сего.

– Строго говоря, тобою я ведь не одиночку угощался, а Галя? Или ты Виктора совсем сбросила со счетов?

– Ну... ты на Виктора не переводи! Нашёл соперника тоже мне! – запальчиво восклицает Галина.

Я недоумеваю уже, правда, перебрала, похоже, новая завкаф.

– Ты чего взъелась-то? Хороший вечер вроде был...

И вдруг она бросилась мне на шею, посреди метели, вьющейся над ночной Москвой это как-то особенно нелепо:

– Кирилл! Уезжаешь... расстаёшься навсегда! Я... как же так?! Кирилл! Столько лет... – неожиданно она зарыдала в голос, что называется, заголосила. Вот глупость...

– Да ты что, Галя... – я растерянно пытаюсь отвертеть её руки от своей шеи, так неожиданно она вдруг напала, что я оказался не готов ответить. Выпила лишнего, уже, несомненно.

...Моя растерянность привела к тому, что мы оказались в арбатской квартире... Галина ведёт себя сегодня, как не вела никогда, будто она курсы обучения мастерству секса какие-то абсурдные прошла или сплошь эротические фильмы смотрела в последние месяцы. Всё это фальшиво и глупо, от этого неприятно. К тому же Галина берётся ещё и за допрос: «делает тебе так твоя молодуха?», кошмар...

– Может она и красотка, но я-то в этом ас, а Кирилл? – чрезвычайно удовлетворённо она завершает свой утомительный уже марафон, чувствуя себя, очевидно, чемпионкой длинных дистанций...

Вот за это мне и наказание теперь – скотство я так и не изжил... Конечно, можно было, наверное, отвязаться от Галины как-нибудь, но я... так было привычнее и проще. Главное – проще...

... Я встал, Митя спит, но носик сопит, простыл, должно быть... Я потрогал лоб, действительно горячий, правда, во сне не поймёшь... завтра разберёмся.

Лёля... всё могло быть, но чтобы она бросила Митю... но ведь уезжала же со мной на море...

... Солнце греет кожу, я чувствую, как пахнут, высыхая на солнце, Лёлины волосы...

– Это хреновый способ, папачи, – голос Алёши за спиной заставил вздрогнуть и пролить водку мимо рюмки.

– Ты... чёрт! – выругался я.

– Я вовсе не чёрт, я ангел-Хранитель скорее, – невозмутимо отвечает мой сын, глядя на меня от двери в кухню. – Я тебе спиться не дам, придумал тоже... тем более что ты пробовал уже... Держать надо было молодую жену, что ж ты...

– Ну... позлорадствуй теперь, в своём праве, – я сел на стул, сдаваясь, Алёша убрал бутылку обратно в морозилку, где она болталась среди мороженого мяса и ягод. – Ты тоже не удержал... – не мог не добавить я со злости, что он не дал мне выпить.

– Дурак был, вот и не удержал, и папу умного не слушал. Пока слушал, всё было... – он вздохнул и сел напротив меня.

– Как на диване спалось? – спросил я.

– А ты что, в свою постель пригласить хочешь? – засмеялся Алёша.

Но потом добавил уже без улыбки:

– Плохо спалось, но диван хороший, мысли плохие...

Я смотрю на свои руки, лежащие на столе, так же точно невольно положил свои ладони и Алексей.

– Митя сказал, что мама заболела, – сказал я.

Он вздохнул и сказал глухим голосом:

– Что ребёнка не будет, ясно, но... думаю, это был спонтанный выкидыш, вот и «мама заболела», – он посмотрел на меня.

Но я не поднял головы, как каменное ярмо придавило мне затылок.

– Это всё равно ничего не объясняет... – у меня только одно в голове: я ушёл с кафедры, уехал из Москвы... «женщины любят победителей»...

– Ты... – проговорил на это Алёша, бледнее немного, – совсем что ли? Ты Лёльку знаешь первый день?

У меня голова горит от злого тумана, что заполнил её. Ей нравится мучить меня, его, моего сына, всех нас...

– Па-ап, ты не слышишь меня? Что ещё было в последнее время? Что-нибудь, что объяснит...

– Что тут объяснять? – зло ответил я. – Это мы с тобой, два дурака, на привязи за ней, а она то с одним мужиком на море, то с другим... Хорошо три дурака, каждый на всё готов...

Алёша рассмеялся:

– Это мой текст вообще-то, надо же, как ты ослеп сразу без неё... Ты же... – но махнул рукой, решив не договаривать. – Ладно, спать пойдём, ты пока от ревности побесись до утра, а там, на растущем дне думать будем, что тут происходит и как «расколоть» Стерха. Айда-айда!

Наутро Митя проснулся совершенно больным, и это сразу повернуло мои мысли в нормальное русло. Когда я встал, Алексея уже не было дома, Митя проспал как никогда долго до десяти почти, температура поднялась до 38, он капризничал, есть отказывался, конечно. К двум пришёл участковый педиатр из Новоспасского. Осмотрел печального Митюшку и заключил:

– Ангина, страшного ничего нет, но... думаю, антибиотик надо дать, – она посмотрела на меня, молодая, усталая докторица: – больничный нужен?

Пришлось взять больничный, ведь через четыре дня мне на работу на новое место в понедельник, а кто будет с больным Митей?.. Впрочем, и со здоровым малышом быть без Лёли некому. Но... пусть выздоравливает, там приспособимся.

Беспокойство и даже страх о Мите отвлекли меня от растерянной ревнивой злости на Лёлю, от непонимания и отчаяния, которые овладели мной вчера. Но как только я возвращался к мыслям о ней, я опять становлюсь вчерашним, брошенным мужчиной, у которого отобрали и женщину и ребёнка, отобрали и выбросили из жизни во всех смыслах.

Алексей звонил часов в одиннадцать и потом вечером. Обещал приехать завтра. Я жду его. Я вообще всегда его ждал... тем более теперь, когда мы снова оказались в одной лодке. Утлой и одинокой опять.

И всё же не думать о произошедшей катастрофе я не мог. Глобальной катастрофе. Я полностью потерял свою прежнюю жизнь. Это было желанным, когда мы были с Лёлей вместе, но теперь мои потери стали страшнее в сотни раз. Я всё и оставил ради неё... Что же теперь? Что я теперь? Как мне теперь жить без неё?..

Алексей приехал в выходные. Мите стало лучше, моё беспокойство о нём отступило. Выходные мы провели вместе втроём. Уже в воскресенье вместе гуляли по прекрасным заснеженным окрестностям, похожим на сказку, Митюшка на санках, мы с Алёшей пешком, увязая в снегу. Все тропинки, по которым мы привычно гуляли с Лёлей и которые я хорошо знал, теперь стали неузнаваемы, мы угадывали их по так же сказочно изменившимся окрестностям. Мы все трое очарованы волшебной красотой зимнего леса, лугов и озёр, которые окружают Силантьево. И я, в который раз радуюсь, что мы здесь, не в Москве, где, в сердце большого города я не смог бы даже дышать сегодня...

– Не надо, пап... – Алексей посмотрел на меня.

Я понял, что он видит мои мысли на моём лице.

– Ты... не вспомнил ничего, что объяснит происходящее?

– Что я могу объяснить? Что объяснять, она бросила нас... всех троих...

Молчаливая пауза повисла надолго, нарушаемая только разговорами с Митей, его возгласами и смехом. Мы скатываем его с горки, он смеётся и визжит, радуя нас, но всё же мы решаем вернуться, боясь рисковать после болезни. На обратном пути Митя заснул и тогда мы уже не стали так торопиться, давая ему возможность поспать на свежем воздухе, тем более что он одет очень тепло и в санках укутан в меховой конверт, в котором в прошлом году его катали, когда он был ещё кулком.

– Самое странное знаешь что... – не выдержав, вслух проговорил я внезапно пришедшую мне в голову мысль. – Это то, что она... она ведь кормила Митю до последнего дня... я ещё говорил ей, беременность, тонус от кормления... и вдруг бросила даже это... Вообще всё странно, так странно...

– Не странно. Она почему-то захотела исчезнуть. Почему? – он смотрит на меня.

– Ясно, кажется...

– Чё те ясно? «Ясно»... Ты дворец ей купил? Что-то такое она получила от тебя, настоящего материальное? Я не имею в виду детей... Дом только этот, – он

Усмехнулся.

– Дом-то её! Дом ей Стерх подарил! – я засмеялся почти истерически. – От меня-то геморрой один... Ты её бросил из-за меня... она без тебя... она жить не может без тебя, вот что... Может поэтому... поэтому не выдержала и... аборт вот сделала и к Стерху ушла опять...

Алёша вздохнул, качая головой:

– На том велосипеде, но опять не по той дорожке ты едешь, Кирилл Иванович... ты ж взрослый мужик... столько сердца... Чёрт, когда поостынешь и соображать начнёшь?.. – он внимательно смотрит на меня. – Ты знаешь что-то, но не можешь вспомнить, мозаику сложить. Не хватает ключевого фрагмента.

– «Поостынешь»... – повторил я, – да никогда... Или ты остыл? Что меня пытаешь тогда? Живи себе...

– Ладно, – отмахнулся Алексей, – закрываем тему. Ночевать оставишь сегодня?

К четвергу мы Митей пришли на мою новую работу вместе. Ничего другого не оставалось. Начмед, который собирается уходить на пенсию, встретил меня с улыбкой:

– Ничего себе, Кирилл Иванович, так вы отец молодой! Сейчас мы... в физиокабинет определим, там душевнейшие люди у нас, за парнем вашим приглядыт. Как звать красавчика этого?

– Митя. Только... не отец я, а дед этому красавчику, – мучаясь, говорю я.

– Де-ед?! А что же родители? – изумляется Николай Николаевич.

– Разлад у них, поэтому со мной пока Митюша.

Мы идём в физиокабинет, расположенный здесь же, в административном корпусе. Меня встречают две женщины, похожие на сосланных дворянок, с благородными бледными лицами, похожие между собой, видимо, дружат много лет. Николай Николаевич представляет меня им, мне – их, я не запомнил сходу имён, записать надо будет всех, главному врачу нельзя без этого, просто неприлично, я и на кафедре всех знал до последней лаборантки.

При воспоминании о кафедре у меня неприятно сжалось всё внутри, будь я женщиной, я прослезился бы должно быть...

Потрясения ждали меня, как оказалось на планёрке, ежеутренней пятиминутке, когда я увидел среди прочих Алексея...

– Ну и ну, Алексей Кириллыч... вот мы... о работе и слова не сказали... радостно говорю я сыну после планёрки.

– Так у нас с тобой дома фронт, до работы разве? – захохотал Алексей.

Вот и образовалось у нас почти семейное предприятие, как мне мечталось некогда, раньше никак этого не могло случиться, только теперь. И опять благодаря Лёле свершается моя тайная мечта работать вместе с сыном.

Но почему разрушилась моя главная мечта и вот так в один миг... почему со счастьем рядом вечно боль? Да ещё такая, невыносимая?.. Ни одной ночи заснуть не могу, чувствую её аромат рядом со мной, её дыхание, её тепло. Повернусь и вижу – нет её, холод рядом, пустая подушка, под одеялом холод... Только Митюшка, её живая копия, будто возвращает прежнее время...

Пока Стерх не приехал взять его на пару дней.

Даже здесь в больнице бледная и больная, как я никогда ещё не видел, даже, когда она болела раньше, Лёля удивительно красива. Когда я сказал ей это, она засмеялась:

– Знаешь, что расскажу тебе об этом... – сказала она, улыбнувшись немного грустно: – Когда-то я видела в лесу мёртвую берёзу. Она стояла, высокая белая, стройная, и среди живых зелёных пышных деревьев, как чужая, как жемчужина в коробке с пластмассовыми серыми бусинами... – сказала Лёля, улыбаясь красивой высокомерной улыбкой. Она никогда раньше не улыбалась так.

– Всё так, кроме того, что ты мертва, – сказал я.

Она посмотрела на меня, погладила по руке.

– Митю видел?

– Сегодня поеду, привезу, – сказал я. – Я купил квартиру здесь, в Н-ске... может, тебя отпустят на выходные?

– Отпустят, я попрошу. Привези Митюшку, только не говори ничего... там...

Я вижу, как у неё дрогнула шея. И смотрит на меня, ресницы пушистые, не накрашенные, а губы сухие, бледные. Она никогда не была бледной раньше. Прозрачной, светящейся изнутри с нежным, просвечивающим румянцем, у неё вся кожа такая, на всём теле, тонкая, сквозь неё просвечивает тёплая кровь. А теперь... Лёля, ты так и не говоришь, чем ты заболела, милая...

– Да это... так, Игорь, ты не должен волноваться, это от кровотечения, много крови ушло тогда... с ребёнком, – голос дрогнул, она отвернулась, щурясь, скрывая слёзы.

Но справившись с собой, говорит совсем другим тоном, будто улыбается даже:

– Знаешь, тут одна со мной лежит, кавалера завела себе из пациентов. У них даже диагнозы одинаковые. Но у неё дома муж и ребёнок и у него... Бегают на лестницу по ночам. Вот такая любовь, Игорь Дмитрич.

– А выпишутся, поженятся? – усмехаюсь я.

Лёля смеётся, но её смех другого оттенка:

– Это даже не пир во время чумы, ведь те пируют-то здоровые, от страха заболеть. А это сами чумные пируют, уже гробы заказаны, в мастерских стоят, их репсом обивают изнутри, а они, их обитатели будущие, влюбились... Как дар напоследок. Будто за то, что скоро конец. И болезни они не чувствуют благодаря этому. Только сейчас и зажили, только перед смертью.

– А может, не умрут? Могут ведь...

– Могут. Но... – она улыbnулась не грустно, как-то прозрачно, призрачно даже: – Два развода, брошенные дети, мужья, жёны... не больше ли слёз, чем от их смертей? А главное, выживет ли их любовь, если выживут они?

Мне не по себе от истории, её отношения к ней, этого философского спокойствия:

– Безднадега какая-то, а, Лёль? Я считаю, что ты... ты не права. – Мне не хотелось спорить с ней, но я не могу согласиться с тем, что она говорит об этих странных счастливицах. – Непоправима только смерть. Всё остальное можно исправить.

Она посмотрела на меня:

– Нет, не всё, – произнесла она тихо и убеждённо.

Она повеселела и стала прежней только, когда увидела Митю. Он прижался ней, обнимая за шею маленькими ручками. Они оба замерли на несколько мгновений, держа в объятиях друг друга. Я с удовольствием смотрел на них двоих, чувствуя, как сладко замерло моё сердце от нежности и умиления, когда-то я не поверил бы, что способен на такие вот нежные содрогания в груди...

Мы были в этой большой квартире, что я срочно купил в Н-ске, ещё почти пустой, где были только большой ужасный диван, разложенный на две половины, телевизор, полированный стол с потрескавшимся лаком и четыре стула. И это на все три комнаты, что имелись здесь. Ах да, ещё шкаф, трёхстворчатый и тоже безобразный, как и всё остальное.

– Ты извини, я не успел купить ничего, только постельное бельё... эта мебель – то, что осталось от прежних хозяев... я займусь этой берлогой, – при ней видя ещё отчётливее недостатки этого жилья, сказал я.

– Как просто у тебя всё... чик-чик и новую квартиру купил... вот мама с дядей Валерой потеряли деньги на покупке квартиры... слышал про таких аферистов? Так живут теперь с бабушкой уже несколько лет... – ответила Лёля, озираясь.

– Подари им эту, я куплю другую, получше, – предложил я.

– Богатый, да? – усмехнулась Лёля.

– Если бы это привлекало тебя, – рассмеялся я.

Что она сделала после этих моих слов? Она засмеялась и сказала:

– Твои глаза – одни дороже всех богатств, какие у тебя были или будут.

– Зачем ты... зачем ты говоришь так? – дрогнул я.

– Это правда, – как ни в чем, ни бывало, она дёрнула плечиком, для неё это не признание в любви, как мне хотелось бы, всего лишь констатация того, что ей представляется фактом. – Как вот ты это делаешь, что они светятся у тебя, будто там лампы? На двести ватт. И вообще... ты такой красивый... Тебя клонировать надо и заполнять планету твоими копиями. И талантливый. И умный. Ещё и добрый. Я уж не говорю про «Любку Шевцову», что в тебе ожила... Такой... идеальный человек. Совершенство.

Её глаза засветились тоже, если верить её словам о свете в моих...

– Лучше просто нарожай мне ещё детей... – сказал я. – Хотя я не совершенство. Не могу устроить совершенной мою жизнь. У меня ничего не получается с этим.

– Это ни у кого не получается, – легко ответила она.

Позже, глядя, как они играют с Митей в мячик на полу, не застеленном ничем, я вспоминал, как забирал его сегодня у Легостаевых. Честно сказать, за прошедшие две недели я совсем забыл, свою легенду о том, что мы с Лёлей уезжали, так много за эти две недели произошло. Я видел Лёлю совсем больной, когда она едва могла разомкнуть веки, чтобы посмотреть на меня, как много дней она могла лишь слушать, что я говорю, не в силах отвечать. Я сидел рядом с ней, капали ей очень много, каких-то прозрачных растворов и крови тоже. Потом я заставлял её сидящей, потом она стала отвечать мне и даже бледно улыбаться, касаться меня, а вскоре и выходить из палаты, пройти в коридор.

Столько болезни, что я совсем забыл, что врал им, Легостаевым, хорошо, что профессор сам спросил про Мадейру и хорошо, что я когда-то бывал там. В ответ на его вопрос, я ответил, что там ветрено сейчас и никто не купается, кроме русских.

– Что и Лёля купалась?

– Не сразу, но... конечно.

– Да ладно, она воды боится... да ещё после аборта, это вредно, – он испытующе разглядывает меня.

– Воды боится? Я не сказал бы...

– Что, и плавала? – усмехнулся он, и для меня стало очевидно, что он проверяет меня и, не будь я чёртов Штирлиц давным-давно, я попался бы на его уловки.

Но я почувствовал, я включил всю свою способность к анализу в эти мгновения и понял, что Лёля, которая удивительно танцует, вообще двигается очень изящно, не может бояться воды или не уметь плавать, очевидно, что она владеет телом, такие люди не бывают неловкими пловцами...

– Ещё бы! Все посчитали, я чемпионку русскую привёз, – по его лицу я увидел, что попал в цель.

Сейчас я вижу, что Лёля устала ужасно, играя с весёлым малышом, то и дело норовит прилечь, невольно, не желая показать свою слабость и Мите, и мне. Мы уложили его на диване в девять, он заснул сразу, а сами остались на кухне.

– Ты умеешь плавать? – спросил я.

Она засмеялась:

– Я очень хорошо умею плавать. Это, пожалуй, мой единственный талант.

– Не единственный, – улыбнулся я, довольный, что моя догадка оказалась такой точной.

Но сил у неё долго сидеть и болтать со мной нет, она поднялась, пойти в ванную, обернулась ко мне:

– Ты где спать-то собрался, герой поэмы? На коврик у порога? Не вздумай.

– Не поместимся все, – у меня горячо стало в животе от одного этого разговора, от её улыбки.

– Поместимся, только ты... – она смутилась немного, хмурится, – подожди... чуть-чуть подожди, ладно? Я... ну, лекарства... и вообще...

– Я не требую ничего, – сказал я, она не знает, конечно, что мне просто лежать с ней рядом уже счастье... Лёля...

Мне приятны его тихие объятия и то, что он, даже не предполагая, насколько я слаба сейчас, ничего не просит, кроме этих объятий. Как хорошо, что он оказался рядом в тот день, никакая «скорая» не доехала бы до меня по такой метели, и сколько бы Митя провёл времени один при моём трупе? Когда вернулся Кирилл? В тот день он не мог успеть... Игорю я обязана

не жизнью, ею я давно не дорожу, я обязана ему жизнью Мити. Что могло произойти с годовалым малышом без присмотра? Он мог... я даже думать обо всех опасностях не хочу...

Я не спрашивала Игоря о Кирилле, слишком больно ему должно быть от моего предательства, тем более не первого, тем более в такой момент его настигшего, но чем больнее ему сейчас, тем легче будет забыть. Ведь он уверен теперь, что я бросила его потому, что он потерял всё. Пусть так считает. Пусть так считает Лёня. Они и говорить обо мне не будут, они забудут меня так вернее, чем сильнее оказалось разочарование.

А я... мне не очень долго теперь или долго, но это не должно быть их крестом, достаточно, что они получили от меня... А от Игоря истинное положение вещей я смогу скрыть, легко обманывать того, «кто сам обманывается рад». Он не хотел бы, чтобы я была серьёзно больна, он этого и не заметит.

Хорошо, что Митя совсем маленький, он не будет слишком скучать по мне. Три отца любят его, правда любят, это заменит ему мать, этим я успокаивала себя.

Но всё же... всё же...

Я росла с бабушкой, с двумя бабушками, папы я не помню, мама бывала непостоянным явлением. Но я никогда не чувствовала себя несчастной, брошенной и ненужной. И всё же я чувствовала, я не понимала умом, но чувствовала, что в отношении Мити я не права. Я обязана жить ради него.

Вот только во мне нет на это сил. Где мне их взять? Во мне их не осталось... Не осталось с тех пор, как нет со мной Лёни. И значит, уже не будет.

Но Лёня – это запретная тема... нельзя позволить себе даже думать о нём... я настолько запретила себе это, что даже не вижу его во сне.

А о Кирилле мне вспоминать невыносимо больно. Так страшно я поступила с ним, но пусть он думает именно так. Ему это поможет не тосковать по мне.

Меня выписывают из стационара в конце января, но раз в неделю я должна делать инъекции, раз в месяц приезжать на контрольный анализ. В квартире, что купил Игорь, за это время появилась кровать для Мити и много чего ещё.

– Где жить будем, Лёля? – спросил он. – Я понимаю, что ты предпочла бы меня никогда не видеть, но я Митей привязываю тебя к себе... без меня тебе самой придётся ездить к Легостаевым за ним, до того, конечно, пока ты достаточно окрепнешь и сможешь сама заботиться о нём. Но и тогда лучше, чтобы я был твоим посредником между вами, ведь так? Что скажешь?

– Надо остаться в Н-ске, отсюда ближе в Силантьево. И вообще... я не хочу возвращаться в Москву.

Игорь захохотал:

– Ну, ты даёшь! Все в Москву, а ты из Москвы! А ещё больше хотела бы, небось, в свою глухую деревню вернуться?..

А потом посерьёзней вдруг.

– Это ты с жиру, Елена... – сказала он, темнея глазами, – люди за однокомнатную хрущёвскую хибару глотки друг другу рвут, а ты... тебе всё это само...

Я почти злюсь, говоря это, но она отвечает, будто не заметив моего зазвеневшего голоса:

– Не само. Ты даёшь мне всё. Всё это не моё – твоё. А про хибары можешь не рассказывать мне. Мои близкие дрожат до сих пор, что я с Митей заявлюсь к ним жить...

– Как говорил Воланд, квартирный вопрос... – усмехнулся я, погасив свою злость, происходящую от моего вечного непонимания этой её нематериальности и от этого будто превосходства надо мной. Поэтому я продолжаю чувствовать себя мальчишкой из подворотни с ней, девочкой, которую не интересует много ли у меня средств, чтобы выполнить любое её желание ещё до того, как она выскажет его, или их совсем нет, как у её Лёнечки. Мне куда проще было бы с ней, будь она как все те, кого я знаю. Проще, но я не с ними, я хочу быть только с ней. С ней я всегда знаю, что то, что она скажет, не окажется ложью, мне не надо смотреть на метр

под землю, чтобы понимать её. Я понимаю её даже без слов. Всегда понимал и чувствовал. Я настроен на неё как радар...

И сейчас я знаю, что она сбежала ко мне от своего профессора от обоих Легостаевых, но почему, я пока не могу понять...

– Поэтому они ни разу не навестили тебя в больнице?

– Я ничего не говорила им. Зачем расстраивать их? Помочь не смогут, только огорчаться будут.

– Подари им эту квартиру, тогда не будут огорчаться, – снова предложил Игорь.

– Не боишься, что тогда я захочу вернуться к бабушке?

– Со мной и с Митей? – засмеялся Игорь. – Не вернёшься. Ты же скрываешься опять. Почему только, понять не могу. Я и в первый раз этого не понял, теперь... Если они двое так осточертели тебе, почему ты не бросила их ещё в прошлый раз окончательно? А если так любишь, так и люби дальше, что тебя носит как ветер полиэтиленовый пакет?

Я засмеялась:

– Очень образно, писатель... Но ты прав, Лёне нельзя со мной. Он не может выносить того, какая я, он мучается. Привык любить меня, привычка пройдёт, он сможет жить дальше...

– Привычка... – покачал головой Игорь.

– Конечно. И ты привык. Тебя будоражит, привлекает то, что я не похожа на остальных твоих девушек. Ты всё время об этом думаешь... Но ты просто не с теми девушками общался всё время. Таких как я полно, гораздо больше, чем ты можешь представить.

– Очень просто ты хочешь объяснить всё, чтобы самой проще было? Чтобы не мучиться совестью, что кто-то умирает от любви к тебе?

– От любви не надо умирать. Любовь для того, чтобы созидать, а не убивать. Я же... Я попала вам всем так удачно в самый центр восторженного воображения, вот вы и... Что ж, я раскрашиваю вашу жизнь целым вихрем эмоций, – она качнула головой, усмехаясь. – Хотя бы что-то...

– Это не эмоции, Елена Николаевна. Это чувства. Есть разница, так ведь?

Она улыбнулась:

– И это полезно, пожалуй, а? Ты вот вторую книгу написал уже? Ты и без меня писать бы начал, талант не зароешь, как ни старайся. Но я вдохновляю тебя, возбуждаю твою творческую энергию. Ты вон злишься сегодня почему-то. Наверное... – она перестала усмехаться: – Послушай... Я не так больна уже, чтобы нельзя было со мной спать. Если хочешь.

Хочешь...

Теперь всё становится на свои места, я хотя бы не должен думать каждую минуту, как мне не так сильно хотеть её. Теперь я могу хотеть и удовлетворять своё желание столько, сколько захочу и она, я это чувствую, только рада этому.

Рада, что же... Игорь прекрасен во всём, что он делает. Не желать его – это, по меньшей мере, странно...

А эта квартира... она не нравится мне. И район этот в Н-ске не нравится. Я попросила его найти новую, и он предлагает сделать это вместе. Но вначале надо забрать Митю. Видеть два раза в неделю моего мальчика – это уже пытка. Он должен всё время быть со мной.

– Ты не шутил насчёт того, чтобы подарить эту квартиру моим? – спросила я.

– Я не имею привычки шутить, предлагая подарки, – сказал я. – Тебе это будет приятно?

– Приятно... приятно ты мне вон, в постели делаешь, а это для меня важно. А ты сможешь оформить так, чтобы я передала уже полностью готовые документы? Чтобы... чтобы дядя Валера не стал из ложного благородства отказываться?

Игорь засмеялся:

– Что ж... я... Я, похоже, по своим счетам плачу, а? Я ведь когда-то до трусов буквально твоего дядю Валеру раздел... Конечно, не мы, другие бы нашлись... но я виноват перед ним и изрядно. Это хорошо – долги отдавать.

Часть 21

Глава 1. Упущенная нить

Стерх молчит и держится своей линии о Лёле со стойкостью достойной лучшего применения. Ни мне, ни отцу не удалось, ни слова вытянуть из него, кроме того, что он сказал нам. По его всё более довольному виду ясно, что она и правда, с ним.

Через три недели после их возвращения с этой самой Мадейры, он заявил, что Лёля хочет забрать Митю и заботиться о нём сама, а привозить к нам он его будет, как теперь забирает пару раз в неделю.

В этот день я чуть не разбил ему лицо в очередной раз после этого заявления.

– Митю тебе ещё?! Пусть сама Лёля придёт сюда и скажет, что забирает Митю у меня!

Но Стерх спокоен, насмешлив даже:

– Не дури, Легостаев, она – мать, она нужна ему больше всех нас.

Я вцепился в него, схватив за оказавшийся удивительно мягким свитер на груди:

– Победителем считаешь себя?!

– Я с тобой не соревнуюсь, – он отцепил мои пальцы от себя. – Ты сам себя победил, как всегда, – он, не спеша оправил свой прекрасный свитер, и снова посмотрел на меня: – Не надо таким идеальным быть, нормальным людям тошно от твоего нимба и белых крыльев.

Я остался в некотором замешательстве после этих его слов. Они приходили мне на ум поминутно с того дня...

Но то, что Митя теперь бывал у нас наездами, очень облегчило и сильно обеднило нашу с отцом жизнь. В ней не было теперь женщин. То есть была, но ОНА была глобально и незримо, а по-человечески не было никого. Ни женского голоса, ни тепла, ни чисто материального присутствия, что сразу любое помещение превращает в дом. Она создала этот дом, сделала его домом и ушла, но он остался, во всём её. Она чувствовалась здесь во всём.

Поэтому мы оба с отцом не хотели уйти отсюда. Хотя ему полагалось служебное и очень хорошее, между прочим, жильё – целый каменный дом в Новоспасском, да и моя служебная квартира была очень недурна – две комнаты с кухней в половине крепкого дома, там и хозяйка была, кормила бы меня и убирала. Но мы предпочли остаться здесь, словно ждём её возвращения. Как когда-то на «Суше».

– Пап, как ты думаешь, не взять ли мне дежурства ещё в Областной? Ехать недалеко...

– Денег мало?

Деньги у меня были. За прошедший год я зарабатывал много, а трат у меня почти не было, так что накопилось даже. Хотя по привычке, приобретённой в прошедшие десять лет, я не мог позволить им просто лежать и обесцениваться, поэтому я создал долларовый счёт, чувствуя, что пока что это лучшее вложение. Но я привык много работать, и тихая районная больница была слишком тихой для меня, даже с обязанностями начмеда, в которые я начал входить, с амбулаторным приёмом, выездами по вызовам. Я всё же был недостаточно занят, особенно теперь, когда Митя будет с Лёлей...

Лёля... я стараюсь не произносить её имя даже про себя теперь, когда я знаю, что она со Стерхом и всё правдоподобнее становится версия событий, выказанная вслух отцом, что она ушла из-за того, что... Правдоподобно и логично, если не знать Лёли, как знаю я...

И всё же... и всё же, она со Стерхом, он-то при всех своих прежних предпочтениях, в том числе при Москве. И хотя Лёля никогда за столицу не держалась, наоборот именно она всё время хотела уехать, но в наше время жить в Москве – это счастье. Во всех смыслах. Я это понял очень отчётливо, получив свой первый зарплатный квиток здесь... И хотя за деньгами

я никогда не гонялся, но оскорбительно низкая зарплата огорчила меня. И ведь я совмещаю и должность начмеда, и полставки амбулаторного приёма... все, конечно получают так здесь, не жалуются. Я не рассказываю никому о том, что моя зарплата в Склифе была на порядок выше.

Но отец, полагаю, потерял ещё больше. Я спросил его об этом.

– Зарплата? – он усмехнулся, – сынок, мои доходы на прежнем месте складывались не из профессорской зарплаты. Те завкафы, что на зарплату живут, на метро ездят в старых пальтишках и с затёртыми портфельчиками в руках, – сказал я, зная отлично, как стали жить теоретические кафедры в новые времена. Да и клинические далеко не все так процветают как наша... Но здесь мои доходы, конечно, сильно упали, нет ведь теперь богатых и влиятельных пациентов, которых надо тишком подлечить от дурной болезни.

Опять же сотни ниточек разнообразных полезных связей, налаживавшихся годами, тоже все остались в прошлом. Но с другой стороны, на черта мне здесь эти связи? Появятся новые со временем, я всегда умел налаживать отношения с людьми.

– Хочешь сказать, ты не жалеешь, что уехал из Москвы? Что оставил кафедру? – настаивает мой сын.

– Я... – он посмотрел на меня: – не спрашивай, о чём я жалею, будто ты сам не знаешь этого... Без неё мне тошно было бы и в раю.

– Давай проследим за Стерхом и узнаем, где она?

Отец засмеялся в первый раз, по-моему, за последние несколько недель:

– Думаешь, это поможет вернуть её?.. Ох, если бы всё было так просто... – усмешка растворилась. – Да и... не проследишь ты за Стерхом. Я пытался сделать это ещё в те, давнишние времена. Как и ты. Скажешь, нет?

Я сел в маленькое суховатое кресло в его кабинетике, что он себе устроил внизу в маленькой комнате, спросив, не против ли я, если он займёт её. Я не был против, мне не был нужен кабинет, а ему незачем теперь было быть рядом с Лёлей и Митей, когда он работал. Митя и сюда приходил к нему, вернее он брал его, устраивая на узком диванчике с игрушками. Но Митя лез к нему на руки, садился за стол, когда он печатал на компьютере или писал.

Отец не гнал его. Я знаю почему. Лёля была с ним в эти часы, когда Митя мешал ему работать.

Я спросил, над чем он работает теперь, ведь целая лаборатория не проводит исследований для него.

Он оживился:

– Я обнаружил здесь, в глубокой провинции совершенно новые особенности всех «наших» болезней. Не кожных, разумеется, эти нормальные болезни, они везде одинаковы, запущены, бывают, но в целом всё то же. А вот «венера» имеет совершенно другое лицо. И раньше-то мои пациенты, бывало, вызывали оторопь, даже во мне, цинизмом своего отношения и к вопросам пола, и к жизни в целом. Но здесь... я будто в 19й век попал. Во времена, описанные Булгаковым, Вересаевым, Буниным и другими нашими обличителями «ужасов» деревенской жизни. Или вообще в Средние века, хотя... в деревне время, похоже, вообще не движется... всё то же... Я ещё только прикоснулся к этому всему, но... Мне нехорошо становилось от общения с этими людьми, моими соотечественниками. Они жили в какой-то совсем другой реальности, не в той, в какой жил я и мои близкие. Но как живут эти люди? Чем? Смысла в их жизни теперь нет даже того, обыкновенного, человеческого, что был тогда, сто и двести лет назад. Поэтому такое чудовищное пьянство, распутство и гибель всех остатков человеческого... Дерматовенерологический приём совсем мне отошёл, как и кожные койки, ты знаешь. Так вот... – отец переводит дух после того, как произнёс такую длинную страстную речь. – Когда ко мне пришла первая пятнадцатилетняя с люэсом и гонореей вместе, я считал это ЧП. Но теперь за этот только месяц, я их, этих полуподростков увидел уже четверых. У них в деревне Чернушки стоит посреди улицы некий диван, где они всё лето предавались

самым низким развлечениям. И часто все вместе... Вот к зиме у всех вторичный сифилис уже, беременности, аборт... Что я увижу дальше? Я работаю только месяц... Даже страшно, – он вздохнул, потёр лоб пальцами. – Какой мир мы оставим Мите...

Я смотрю на него с восхищением в очередной раз. Когда-то мне казалось, что он выбрал именно эту специальность из чисто материальных соображений, но за годы рядом с ним я убедился, что это не так, он увлечён своим делом и, что ещё важнее и реже, вовлечён в него всей душой. Он болеет сердцем за всех тех, кого приносит на его профессиональный путь. И он только месяц здесь. Ещё придумает какую-нибудь штуку, чтобы помогать таким вот «диванным» ребятам и девочкам...

В середине февраля, почему-то не раз отметившегося в нашей семье разнообразными катаклизмами и прекрасными и ужасными, Ольга Олеговна принимая у меня пятничное дежурство, с улыбкой сказала:

– Странное совпадение было, когда вы пришли работать к нам. Такая редкая фамилия, а тут вы, отец ваш и пациентка была с той же фамилией. И всё в один день.

Я замер, чувствуя, что ловлю за хвост разгадку всех последних многочисленных много раз закрученных загадок:

– Пациентка Легостаева? И с чем же? – как можно равнодушнее спросил я, боясь своим волнением спугнуть появившуюся надежду.

– А помните, может быть, я докладывала на самой первой после праздников планёрке... да не помните, конечно, – она махнула рукой. – Вот та самая и была, как вы, Легостаева. Я тогда ещё подумала, надо же, однофамильцы; её мы в областную в то утро благополучно отправили, а вы пришли.

– В областную... с кровотечением?

– Да! Помните всё же, – она улыбнулась, довольная скорее собой, чем тем, что я не забыл той первой в этой больнице планёрки.

– А с пациенткой-то что? – у меня в глазах темнеет, неужели откроется тайна?

– Теперь не знаю... Тогда муж что ли привёз, – неуверенно говорит Ольга Олеговна, – они... с ребёночком были, меня из дома вызывали, массивное кровотечение... да-да, точно. Красивые люди такие, знаете, даже на редкость. Елена... да-да, Елена Легостаева. Беременность сорвалась, жаль их было...

– А может... она сама? Ну... сама аборт... – вздрагивая от собственного вопроса, говорю я.

Ольга Олеговна посмотрела на меня:

– Да нет... Там... там было что-то... Я что-то подумала тогда ещё... Ах, да, у неё лейкоз, видимо, поэтому и скинула. И ведь забеременела, вот в чём странность, обычно с такими заболеваниями... но тогда, может быть, дебют и был. Жаль. Таких запоминаешь...

Она говорила ещё что-то, но в моей голове билось это слово, это страшное слово, приговор...

– А... куда... перевели-то?... – пересохшим горлом спросил я.

– В гематологию в Областную. Признаться, я не узнавала потом, закрутилась как-то. Даже не знаю, чем кончилось дело...

Я не слушал уже разговарившую со мной Ольгу Олеговну. Потрясённый открытием, я поспешил домой. Но по дороге я подумал, что же я домой иду, надо в Н-ск ехать, в Областную больницу. Домой я не пошёл, автобус из Новоспасского в Н-ск через двадцать минут, до автостанции идти недалеко, я должен успеть, тут всё недалеко, не Москва и даже не Н-ск.

Я позвонил отцу из автобуса, когда тот трогался с от автостанции.

– Пап, я еду в Н-ск, объясню позже, – быстро сказал я, привлекая внимание окружающих меня пассажиров.

Ах, Лёля, Лёля... В смерть от меня сбежать хочешь... вон, что придумала... вон что... поэтому и отец был, и Стерх теперь... чтобы я не думал, не любил, не хотел опять тебя... Ах, ты Лёля... Думала успеть умереть до того, как я успею тебя спасти? Не выйдет, не дам я тебе. Я правильно разглядел это в тебе ещё летом, я увидел, тогда в тебе увидел, что ты смерть подзываешь к себе, подпустила её. Не можешь ты без меня... не можешь, Лёля, не ври... на что ты рассчитывала, глупая, что я разлюблю тебя? Что так буду ревновать, что отвращение пересилит притяжение? Зачем, Лёля? Ненависть, конечно, помогает жить, но ненависть не любовь, она не живит, она только душит...

Алёша удивил немного тем, что утром в субботу внезапно помчался в Н-ск, но я не беспокоился, я знал, что наши все здоровы, родители работают, отец только с нового года бросил ночные дежурства. Так что поехал он по своим каким-то делам. А мы с Митей отправились гулять по окрестностям.

Сегодня потеплело немного, ветра не было, правда, дальше обещают метель и похолодание, так что мы пользуемся затишьем. Митя с восторгом катается с горки, которую мы нашли недалеко от дома в лесу. Я сам катаюсь с ним вместе, хохоча и валяясь в снегу как в двенадцать лет. Здесь мы с Митей одни и я могу позволить себе вести себя так, как хочу, не шокируя возможных зрителей. Вообще здесь, когда я на работе, в Новоспасском или в окрестностях нашего дома в Силантьеве, где нас уже знают, мы не можем вести себя, как вздумается, но, стоит углубиться в лес на десять шагов, и становишься абсолютно свободен, и можешь позволить себе всё. Вот я и позволяю с Митей быть его приятелем, а не дедом, как все считают, и не отцом, как чувствую я.

О Лёле я не забываю ни на минуту своей жизни, даже на работе. Хотя оформленных мыслей о ней на работе, конечно, нет, всё же новое место, да еще, такое как это, странно похожее на мою прежнюю «епархию», и в то же время совершенно другое, без научной и учебной работы, но зато ближе к жизни и больным, с насущными ежедневными чисто бытовыми нуждами больницы...

Засыпая и просыпаясь, я думаю о ней, о Лёле. А тем более, когда Митя со мной. С Алексеем мы не говорим о Лёле, потому что стоит начать, мы не можем остановиться – это та тема, которая неисчерпаема для нас обоих, которая разделяет и объединяет нас. Но это мучительная тема, и разговоры наши оканчивались бессонной ночью для обоих. Мало того, что я и так слышу каждую ночь, снова каждую ночь Алёша зовёт её во сне, если я не сплю, тогда слышу и через закрытую в большой комнате дверь, где на диване спит Алёша. А мне без Лёли спать здесь одному становится всё мучительнее с каждым днём. В кабинет перебраться что ли?.. Но Митя один тогда тут будет?..

Мы свалились с Митей в снег с накренившихся санок. Санки у нас нестандартные, купленные у местного умельца, сделанные побольше обычных, а полозья из гнутых трубок – скользят лучше, и снег налипает меньше. Словом, прокатались мы до сумерек. Обратного я вёз Митю на санках, но он задремал и свалился с санок в сугроб, но даже не проснулся. Я смеялся тихо, сам с собой этому происшествию. Пришлось взять его на руки, в толстых одежках нести его тяжело. Сейчас пятый час, весь режим Лёлин порушили сегодня...

На крыльце я споткнулся на расщепившейся доске и едва не упал с Митей. Надо крыльцо ремонтировать, а лучше поставить новое, это и покосилось уже. Сделать с козырьком, на столбиках, я видел такое в Новоспасском... и баню неплохо было бы поставить на заднем дворе, где сараи. И пристройку сделать, Митя растёт... Совсем я деревенским жителем становлюсь. Ленуша, вернулась бы? Живи с Алёшей, как раньше, Бог с тобой... Только бы видеть тебя, слышать каждый день. Даже будь ты со Стерхом, только бы я тебя видел... Только бы видеть каждый день... Как же ты опять ушла из нашей жизни, из моей жизни совсем?

...Песок пристал к Лёлиной коже, плавки чуть съехали, когда она встала идти к воде, видна узкая полоска белой, незагорелой кожи, все эти белые треугольнички на её теле делают её ещё более обнажённой... Вот она стряхивает слегка подсохший песок с живота, с бёдер, и идёт к морю... Сейчас войдёт едва по колено, поднимет руки над головой и нырнёт в поднимающуюся волну, легко проникая в неё как разогретое лезвие в масло, и я буду угадывать, где же она вынырнет и когда оглянется на меня, уже из глубины, или раньше, до буйка, когда вспомнит, что я смотрю с берега, махнёт мне рукой, зазывая к себе, и я пойду, радостный, поплыву догонять её, быструю как торпеда, глядя как она ныряет, мелькая спиной, ягодичками, ногами... ты будто родилась в морских глубинах...

До озера мы так и не дошли здесь с тобой, а ведь рядом... Лёля, Лёля, Ленуша, вернись, невозможно как ноет сердце, как тошно без тебя... И Митя между двух домов катается, разве дело?..

Митюшка проснулся, и я проснулся, задремал, оказывается, с мороза... Надо печь растопить, остывает уже дом, прохладный дух поплыл...

Не успел я разогреть ужин, думая о том, что надо, наверное, Алёше позвонить, узнать, ночевать собирается или нет, как он загремел, входя, дверным засовом, заглянул на кухню, румяный с мороза, но глаза стальные, будто морозом этим тронутые:

– У Лёли-то лейкоз, папа... – раздеваясь, выпалил он, всю дорогу видимо в мыслях, на языке эти слова висели, вот и слетели, наконец. – Ты... не догадывался ни о чём? Не знал?.. Она болела тогда, весной, тогда всё нормально было? Или тогда уже?.. Почему ты молчал?!.. – он сел на стул, потянул за ворот свитер от шеи, встрепал короткие волосы, торчком вставшие на затылке от его ладони, посмотрел на меня: – Что молчишь-то, пап?

Я помертвел, лейкоз... всё же лейкоз. Ленуша... Ах, Лёля, ты чувствовала, что так и есть... поэтому не хотела обследоваться, поэтому не хотела разобраться... Лёля-Лёля, вон ты, куда бежать от меня собиралась...

– Так я и думал... – сказал я.

– Папа, пивет! – весело воскликнул Митя, которого я успел посадить в стульчик перед приходом Алёши.

Мы оглянулись на нашего мальчика, потом посмотрели друг на друга. И застыли – Митя... нам плохо, а как будет он?..

– Ты... ты узнал откуда?

– Герасина сказала вчера утром. Вдруг вспомнила, что была пациентка однофамилица наша... Не делала она аборт, пап, враньё всё... кровотечение, едва не умерла... Снегопад ещё был... Её перевели... в Областную перевели в то утро, когда я на работу пришёл... Она была здесь, рядом с нами... А из Областной её выписали на днях... я опоздал опять. Я опаздываю каждый раз...

Я смотрю на Алёшу, он поймал нить, но она оборвалась, опять оборвалась...

– Она в Москве должна быть, не может она не лечиться теперь, Алёша? – с надеждой проговорил я.

– Может, – серьёзно ответил он, потёр лицо бледными ладонями. – Может не лечиться... Умереть она хочет, вот что.

– Найти надо, – сказал я.

Мы опять посмотрели на Митю, поймав наши взгляды, он улыбается нам:

– Пивет! – говорит он опять и смотрит, выжидая, чего же мы усталились вдвоём. – Кияска, папа хочет есь? Папа, ты хочес есь?

– Есть бедный ребёнок хочет... – проговорил я, по-прежнему не трогаясь с места.

До странного сильно оказался поражён новостью, которую принёс Алексей. Куда легче было ревновать и думать о том, что она подлю предала и всегда предавала, чем о том, что она умирает, и поэтому сбежала от меня. Не от меня даже, от Алёшки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.